

ИГРЫ ГЕРОЕВ

ВЛАДИМИР СВЕРЖИН

КРОНА
ОГНЯ

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Крона огня

«АСТ»

2015

Свержин В.

Крона огня / В. Свержин — «АСТ», 2015 — (Институт экспериментальной истории)

Самое опасное время для победителя – сразу после громкой победы. Еще не отзвучали фанфары и не увяли лавры, и потому не слышен лязг оружия нового врага – но он уже близок. И тот неприятель, что был вчера, рядом с ним покажется уличной шпаной. Кто из недавних соратников готов ударить в спину? Кто из врагов станет другом? Командировка в Темные века франкской державы инструктора Института Экспериментальной истории Сергея Лисиченко и его стажеров продолжается. Мир людей все еще под угрозой.

© Свержин В., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Сержин

Крона огня

© В. Сержин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог

*Это невероятно, хотя и очевидно.
Апостол Фома*

– «...Я жил во Франции цветущей в такие темные века, что солнца луч, ко дню зовущий, не смог возжечь среди живущих светильник разума пока». – Лис продекламировал начало еще не рожденной баллады, стряхнул чернильную каплю, почесал за ухом очиненным наискось гусиным пером и задумчиво воззрился на муху, бредущую по потолочной балке.

– И шо это ты на меня так подозрительно уставилась? Шпионишь?

Чтобы отвести от себя подозрение, муха всплеснула крыльями, изящно похлопала ими и умчалась от греха подальше. Сергей криво ухмыльнулся. Нет, муха, пусть даже самая парижская, – априори недостойный слушатель его возвышенных поэтических откровений.

Грядущее возвращение под сень институтских сводов требовало подробного отчета о проделанной работе. Конечно, здесь, в мире, где на золотом троне Франции восседал юный король драконьей крови Дагоберт III, у его оперативной группы оставались еще кое-какие неоконченные дела, но все же скорый отзыв «нурсийских путешественников» считался делом решенным. А коли так – следовало навести последний лоск, начистить сапоги и, конечно, подготовить балладу, или как там ее, ораторию для сольного и совместного оранья под настроение в «кают-компани» Лаборатории Рыцарства.

Он активизировал закрытую связь, бесцеремонно вторгаясь в сознание самого куртуазного и уже потому самого безответного из «боевых хомячков».

– *Ау, Валет, ответь мне, не как боевая единица с минусом, а как зрелый плод эволюции – человек неумеренно разумный, хуже того, вундеркинд, долгое время изводивший протуберанцами интеллект профессоров Сорбонны. Вот я тебе прочту начало баллады, а ты ответь честно, без утайки, но все же помня о субординации, – хорошо получается?*

Инструктор Международного Института Экспериментальной Истории собрался было прочесть теплые еще стихи подопытному кадету, но замер, осмысливая увиденное на канале связи.

– *Мой юный друг, а чем это ты там занят?*

Стажер-оперативник Института, прославленный во франкских землях менестрель, шевалье Кристиан де Ла Валетт, стройный и утонченный, будто гончая, с длинными иссиня-черными волосами и аристократическим профилем жертвы многовекового генетического отбора, обладатель обсидиановых глаз потомственного южанина самозабвенно рубил дрова.

– *Ты шо, – поразился Лис, – устроился помощником истопника в местной бане, прости, терме? Хотя термы уже позакрывались, а бани – это вообще не здесь.*

– *Нет-нет, господин инструктор, – прервал странное занятие сладкозвучный певец любви и прочих красот природы, – мне тут не дает покоя один чрезвычайно занятный вопрос...*

– *Прикинь, мне тоже. Даже два. Во-первых, тебя в родовом замке не учили, шо дрова колют вдоль, а не поперек? А во-вторых, с какого перепугу ты делаешь это мечом? Ты бы их еще попробовал рубить... ладно, про это не будем. В общем, слава богу, Камдил этого безобразия не видит! Он человек суровый, не то, что я, гуманист и душелюб.*

– *Да, судя по вашим отзывам, его присутствие было бы нам очень кстати, – согласился Бастиан, задумчиво оглядывая нарубленные дубовые чурки. – Но если позволите, я все же задам свой вопрос не ему, а вам.*

– *Да уж шо с тобой делать, выбора особо нет. Валяй, светильник разума, озадачь меня неожиданной вспышкой мозговой активности.*

– Вы знаете, господин инструктор, там, в Сорбонне, я пытался заниматься историческим фехтованием, но, увы, не достиг в этом сколько-нибудь впечатляющих успехов. Однако вот этим, – перед глазами Лиса возник клинок трофейного абарского меча, с которым упражнялся Валет, – у меня получается с одного удара перемахивать деревянные чурбаки сантиметров в двадцать толщиной. Полагаю, это не предел.

– Ну, так ясень пень, меч-то абарский. Они вон с ними проишлись по европейским армиям, шо та газонокосилка по репейным зарослям.

– Это верно. Но с другой стороны, сами абары – кочевники. Я видел подковы их коней. Прямо скажем, не шедевр кузнечного ремесла. И стремена... У них нет металлических стремлян, они пользуются кожаными петлями с деревянной подставкой под ступню. А клинки – мало того, что это продукт высоких технологий, это произведение искусства.

– Точно, точно, – согласился Лис, – я вон для Джокера-1 тоже прихватил на всякий случай три штуки в подарок. Он обрадуется. Вернется, а тут мы ему такой стальной букет.

– Да, но откуда у абаров такие мечи?!

– Мой юный друг, ты меня удивляешь. Они получили свое оружие от просочившихся «с того света» хаммари, это уже давным-давно известно. Ну, в смысле, давным-давно – всю последнюю неделю.

– Да, конечно, они получили оружие от хаммари, но судя по тому, что мы узнали об этих страхолюдинах и о драконьем мире, у хаммари тоже нет кузнецов. И вообще с ремеслами туго. Да и с мозгами. А тут нужны знания, умения...

– Погоди... – На канале связи на мгновение воцарилась гнетущая тишина. Покровительственный тон Лиса сдуло в единый миг. – Ты не просто Валет, ты Козырный Валет! То есть выходит, шо этих хаммари самих кто-то дергает за веревочки?

– Получается, что так.

Глава 1

*Человек всегда отбрасывает тень, но никому еще не удавалось
сделать это окончательно.
Из кодекса ниндзя*

Пламя свечей шарахнулось, будто от испуга, когда закрылась дверь потайной комнаты в доме Элигия, великого казначея франкской державы. Тот проверил, хорошо ли держит засов, по-хозяйски огляделся и прошел к своему рабочему месту – неказистому, но, как он полагал, стоящему выше самого великолепного трона в стране.

Верный Мустафа с поклоном вручил господину обтянутую тисненой кожей книгу. Эти письма говорили сердцу бывшего золотых дел мастера больше, чем Новый, а уж тем паче Ветхий Завет. Здесь, навечно запечатленные на тонком пергаменте, содержались расчеты – неровный ритм сердцебиения государства. Ровными столбцами каллиграфически выписанных цифр красовались прибыли; шрамами, исполосовавшими сердце, темнели суммы неизбежных траг.

Вышедший из низов мастер знал счет деньгам и цену каждого денария. Внезапная женитьба на сестре опального майордома принесла ему огромные богатства, земли и место при дворе, но отнюдь не любовь и почтение вельмож. С ним считались, ему вымученно улыбались, а спиной Элигий ощущал сверлящие завистливые взгляды.

Те, кого он столько лет снабжал украшениями и регалиями власти, наконец увидели в нем человека. И остались недовольны увиденным. Чванливые бароны почитали его наглым выскочкой, чуть ли не проходимцем.

Мастер был готов к этому. Все, что беглый вельможа, брат его нелюбимой жены, получил по праву рождения, ему приходилось беззастенчиво покупать: тратить и тратить звонкие монеты, одаривать глупых, но храбрых вояк, охочую до золотых безделушек матушку кесаря. И главное – ее молчаливого, резкого, как удар бича, сына – едва вошедшего в силу государя. Для подарков требовалось золото. Много золота, и много яркоцветных камней. И, проклятье, отдавать их приходилось навсегда! Вот просто так, широким жестом, с милой улыбкой на устах.

Темнолицый, похожий на хмурого демона Мустафа понимал Элигия без слов. Он готов был разорвать любого, кто станет на пути господина, и не раз доказывал свою преданность на деле. Некогда мастер спас от верной смерти этого иберийского мавра, подвешенного в железной клетке на перекрестке дорог для всеобщего устрашения, и, хотя хозяин его не удерживал, мавр вовсе не горел желанием покинуть доброго господина.

Элигий уселся поудобней за стол, принял увесистый том, развернул его на заложенной странице и перечел список нынешних даров: «Расходы, опять эти чертовы расходы!» Он неторопливо водил пальцем вдоль строк, опасаясь пропустить что-то важное. Но вот палец замер, точно упершись в невидимую стену. Как гласила запись, массивная золотая цепь, украшенная алыми гранатами, была преподнесена долговязому нурсийцу с переносицей, перебитой невесть кем, но, видно, добрым человеком. Элигий печально вздохнул – он бы с удовольствием поручил нечто подобное еще какому-нибудь доброму человеку. Если бы, конечно, мог. Этот Рейнар, наставник сэра Жанта Нурсийского, непрост, ох, непрост!

Конечно, недавнему ювелиру двора следовало быть ему благодарным за помощь в обретении места и положения близ трона, но все пошло не так, как хотелось. Даже вот с этой чертовой цепью: Мустафа, передававший драгоценный подарок, не преминул доложить, что долговязый насмешник совершенно не оценил его. Он принял золотую цепь со странной гримасой то ли угрозы, то ли насмешки, покрутил ее, намотал на кулак, а потом небрежно бросил на

стол, как будто это был не полновесный фунт золота с драгоценными ювелирами, а вервие бедняка, годное подвязывать драную камизу.

Но, что было совсем оскорбительно, нурсиец не просто пренебрег его даром. В ответ он вручил Мустафе дивную вещицу, маленькую, серебристую. Едва нажмешь на один конец ее, из другого выскакивает крохотный язычок пламени. Ответный жест превращал драгоценный дар в ничто. Получился обычный ни к чему не обязывающий обмен!

«Долговязый хитер, – постукивая указательным пальцем по исписанному пергаменту, думал Элигий, – его просто так не объедешь. Мадам Гизелла доверяет ему, как никому другому, Дагоберт тоже ему благоволит, а главное, под его рукой бароны, верные юному государю. Они видят в нурсийском пересмешнике умелого военачальника и готовы следовать за ним хоть на край света!

Конечно, он чужестранец, но что с того? Очень может быть, не сегодня – завтра Дагоберт назначит его майордомом вместо беглого Пипина. Тогда уж, как ни крути, придется плясать под его дудку. А уж в какие игры он играет, кому как не мне довелось близко познакомиться?!»

Ему в деталях припомнилась история отстранения от власти владетельного Пипина Геристальского, первейшего из вельмож франкских земель и потомка знатнейших вельмож.

«С таким ловкачом, как этот мастер Рейнар, не разгуляешься – выпотрошит и выбросит! Но и прямо выступить против него пока нельзя. Конечно, пост казначея – один из самых высоких, но мне он достался без году неделя, при случае его легко можно и лишиться. Вон у того же Пипина и отец, и дед правили Нейстрией, и прадед, – сильно ли ему это помогло? Теперь вот скрывается...»

Ему припомнился день перед великой схваткой с абарами, день, когда решалась его судьба, ну и судьба всего христианского мира. Однако это уже потом, а тогда, заручившись дозволением на брак с Брунгильдой, он помог Пипину скрыться, избежать справедливой кары...

Элигий захлопнул приходно-расходную книгу, словно поставил точку в своих размышлениях.

С этим Рейнаром нужно покончить! Чем скорее, тем лучше. Если он пожелает убраться в свою неведомую страну – прекрасно! Одним грехом на душе меньше. Но чтобы этаким хват решил убраться несолоно хлебавши, от накрытого стола... – быть такого не может! А тогда...

Мустафа склонил голову и, ожидая приказа, водрузил мощную пятерню на рукоять длинного, изогнутого, словно львиный клык, острейшего кинжала.

– Слушай и запоминай, – после недолгой паузы решился казначей, – сегодня ты отправишься в аббатство Святого Эржена, найдешь там нового отшельника... – бывший золотых дел мастер запнулся, не доверяя и стенам запретное имя, – сам знаешь, кого. Передай ему, что спустя три дня после твоего приезда я буду ждать его в замке Форантайн.

Стволы на глазах разбухали и ползли вверх, подобно вставшим на хвост огромным питомам, делались все толще, переплетались, как огромные, натянутые между землей и небом канаты. Баляр, едва шевеля губами, попросил Карела приподнять его и усадить спиной к дереву. Тот вздохнул, понимая, что, очевидно, выполняет последнее желание невольного союзника, без видимого усилия поднял иссохшее тело и прислонил его к растущему на глазах необычному стволу. Шип древа тифу, вставленный костлявой рукой изможденного неврского «старца» в пасть чудовища хаммари, дал моментальные и очень странные всходы. И каменное страшилище, и вступивший с ним в смертельный бой побратим сэра Жанта, могучий северянин Фрейднур, вмиг исчезли меж окутавших их коконом стеблей, на глазах деревенеющих и разрастающихся с невероятной скоростью.

Весь жизненный опыт бывшего сержанта президентской гвардии командным тоном наставлял, что не бывает столь быстрорастущих деревьев. Даже бамбук, уж на что трава, и тот растет куда медленнее. Но перевитый ствол тянулся все выше, едва не касаясь облаков и там

уже расходясь мощной кроной. Карел же Страже пожалел, что в свое время прогуливал уроки ботаники и, в частности, тот, на котором рассказывалось о столь диковинных представителях экзотической флоры. Между тем от ствола дерева послышался требовательный юношеский голос:

– Помоги мне остальных сюда перенести!

Принц Нурсии резко дернул головой, переводя взгляд с кроны туда, где мгновение назад лежал умирающий... Н-да, с фауной в этих местах тоже было не все в порядке. Вернее, как раз наоборот. Там, где мгновение назад среди корней скрючился изможденный старец, ныне, прислонясь спиной к дереву, стоял юноша, крепкий и жилистый, с едва пробивающейся бородой. Но все же, будь Карел билетером в кинотеатре, непременно проверил бы у него паспорт, прежде чем пустить на сеанс для взрослых.

– Ну что же ты медлишь? Давай же! Пока не поздно.

Сэр Жант ошарашенно кивнул и бросился к стонущим людским отбросам, выкинутым абарами издыхать среди обглоданных временем человеческих костей. Он подхватывал их по двое, вскидывая на плечи, затем, вцепившись в живописные лохмотья, поднимал еще двоих и, под аккомпанемент жалобных стонов, тащил их к продолжавшему разрастаться дереву. Очень скоро у него появились расторопные помощники, такие же худощавые и мускулистые, как Баляр. Когда последний из обреченных на гибель встал на ноги, Карел удивленно огляделся по сторонам и вдруг понял, что среди бела дня не видит солнца – густая крона над головой закрывала едва ли не полнеба.

– Ты знаешь, что это? – обескураженно глядя по сторонам, спросил он у подошедшего княжича, предводителя лесных невра.

– Конечно. Не думал, что доведется увидеть своими глазами, но об этом дереве у нас каждый знает. – Юноша чуть заметно улыбнулся и обвел взглядом соплеменников, точно ожидая подтверждения. Десятки спасенных одобрительно загудели, наперебой подтверждая слова вожака. – Это же священное древо Байтерек. Когда двенадцать раз дракон перворождения увидит свой хвост, священный беркут Алаяр приносит семя Байтерека и роняет его на землю из чертога хранителя небес.

– Но это ведь была колючка дерева тифу, я знаю, – перебил его Карел.

– Нижнее семя. Не наше, – покачал головой Баляр. – Кровь взяла, оттого и выросла.

– Погоди, погоди, – не унимался сэр Жант, – чью кровь, Фрейднура? – Брови его нахмурились, и он сжал кулаки. – Ты же сказал, он жив.

– Жив, – вновь подтвердил княжич невра. – Пока тут лишь всходы. Дождись урожая.

– Как это дождись? А вы?

– Древо три руки дней тянуться будет. А нам пора уходить. Пока волчье солнышко взойдет, нам бы до леса добраться. Путь не близкий. – Баляр положил руку на плечо грозного воина. – Я и народ мой помощи твоей не забудем. Как ветки наземь упадут – сделай дудку. Как задудишь в нее, мы придем на подмогу. А сейчас прощай. Да, и еще запомни: в утро плодоношения держи меч наготове, а лучше спрячься.

– Хаммари появятся? – насторожился Карел же Страже.

– В свой час увидишь. – Баляр требовательно махнул рукой, поднимая соплеменников в дальний путь. – И про дудку не забудь!

Мадам Гизелла ликовала. Благодарность народов, спасенных ее сыном от нашествия сеющих гибель абаров, заставляла сердце петь. Все эти послы с неисчислимыми дарами, могучие воины, пришедшие к Дагоберту с просьбой взять их под свою руку, и, наконец, безусловное признание Римом юного повелителя франков – пожалуй, лучше и придумать было нельзя. Или все-таки можно? Государыня сделала знак слуге приблизиться.

– Немедля призови ко мне благородную даму Ойген. Скажи, я желаю говорить с ней по очень важному делу.

Слуга поклонился и поспешно вышел. Гизелла чинно поднялась с резного кресла, сделанного по образцу тех, что украшали этот дом в эпоху цезарей. Сквозь узкое окно резиденции государя виднелся край стены с вечными караульными и полноводная Сена, катившая к далекому морю холодные чистые воды.

«Да, эта победа дала сыну очень многое. Теперь уже вряд ли кто-нибудь станет рассчитывать на его слабость и неопытность. Но победа не будет совершенной, если плодами ее сполна не воспользоваться. Сейчас Дагоберту нужна разумная достойная жена. Он-то, ясное дело, о сватовстве еще думать не думает, но мой материнский долг – присмотреть государю нареченную. Конечно, нынче любой правитель будет рад отдать свою дочь за юного повелителя франков, но... – Она напряглась, припоминая девиц на выданье среди ближних и дальних коронованных соседей. – Нет, все не то. Для великого государя недостаточно супруги, которая только и будет знать, что рожать ему детей и надзирать за домашними слугами. Ну, нет среди возможных невест такой, как ему нужна.

То ли дело Ойген! Конечно, – Гизелла досадливо поморщилась, – спору нет, у ее любимицы имеется сговоренный жених. Что тут сказать? Сэр Жант – изрядная помеха. Но ведь никому, кого ни расспрашивали, не ведомо, где находится эта самая Нурсия! Даже и драконы, летающие, где пожелают, не могут дать ответа, куда следует идти, чтобы добраться до нее. А значит, Ойген необходимо устраивать свою жизнь здесь. – Изошренным женским чутьем королева ощущала, что, невзирая на вспышки ревности, ее наперсница вовсе не любит своего медведеподобного жениха. Но это как раз не странно, их будущий союз – обычный династический брак. А стало быть, со временем она вполне сможет полюбить Дагоберта. Что с того, что Ойген несколькими годами старше? Время у людей и драконов течет по-разному, Дагоберт и сегодня много старше своих лет. Огонь в его крови течет куда быстрее красной жидкости, струящейся в человеческих жилах.

Гизелла вновь поглядела в окно. Какой-то лодочник на берегу конопатит утлое суденышко, от воды ко дворцу доносится мерный постук его молотка. – Она будет замечательной королевой. А если останется при дворе она, то этот Рейнар не пожелает бросить молодую хозяйку, – мелькнула в голове шальная мысль, – похоже, ей он особенно предан. Тут, конечно, следует приглядывать, дабы преданность его не обратилась в нечто большее, но пока это всего лишь немое преклонение, пускай себе. Этот ловкий нурсиец может быть очень полезным».

Благородная дама Ойген вошла, почтительно склонившись перед матушкой кесаря франков. Дождавшись, пока слуга затворит дверь за гостьей, Гизелла заговорила, и в тоне ее звучали торжественные ноты колокольной бронзы.

– Я пригласила тебя, чтобы обсудить дело государственной важности. Буду говорить прямо, без обиняков и иносказаний.

– Я вся внимание, мадам. Могу ли я быть чем-нибудь полезной высокородной государыне? Быть может, вас что-то тревожит? Вы хотите поговорить об этом?

– Нет. Я хочу, чтобы ты стала женой могущественного короля франков, спасителя христианского мира, Дагоберта III...

После слов «о делах государственной важности» связь активизировалась сама собой:

– Ну шо, краса девица, – послышался на канале связи ехидный голос Лиса, – вообразила себя сказочным персоналом, ну, в смысле, персонажем? Как там: «Сказочке конец, кто слушал – молодец, а мы честным пирком да за свадьбу!»

– При чем тут я? – возмутилась Женя.

– При отягчающих обстоятельствах, как пишут в разных протоколах. Во-первых, эта сногшибательная идея мадам Гизеллу посещает не первый день. А во-вторых, ты шо хотела, пусть бы мужики к твоим ногам падали, но при этом ходить не мешали?

– Я бы хотела, чтоб меня уважали за ум, знания и высокую квалификацию.

– А они все норовят за другие части тела поуважать. Но ежели коли так, то оно конечно, потому шо шо эс? Продемонстрируй Гизелле свой красный диплом, а заодно и будо-паспорт. Хотя нет. Тогда она еще больше укрепитя в похвальном стремлении видеть тебя своей невесткой. Но ты уж сделай одолжение, со свадебным пиром повремени, пока у меня усы вырастут.

– Какие еще усы?! – возмутилась благородная дама.

– По которым мед-пиво текли, да в рот не попадали. Мне эс нужно будет что-то в Институте петь о твоих альковных похождениях. О том, как местные пчелы сбились с лапок, услаждая медовый месяц нурсийской красавицы.

– Да не собираюсь я замуж! – вспыхнула Евгения.

Гизелла сочла ее румянец хорошим признаком.

– Нет? Тогда крутись, шо тот ротор в статоре. Энергичней, подруга! Шоб нам не пришло похищать тебя из-под венца.

– Но я ведь обручена, – потупя взор, пролепетала благородная дама Ойген.

Но эта незамысловатая отговорка была загодя отвергнута будущей свекровью.

– Это ничего. У меня есть основания надеяться, что кардинал Бассотури убедит Его Святейшество расторгнуть вашу помолвку с сэром Жантом.

Да, кстати, от этого храбреца, насколько мне известно, по сей день нет вестей... Жив ли он... Одному богу ведомо... К тому же, – с ходу резко изменив тон, госпожа пристально уставилась на гостью, – я же вижу, ты не любишь его. Он найдет себе ту, которая души в нем не будет чаять...

– О, как приятно, черт возьми, чувствовать себя богом! – съязвил Лис. – Ау, садово-огородник, гвардеец-мичуринец, ты почему невесте не пишешь? Пока ты в гиперборейских предгорьях скороспелые сорта бамбуковых секвой разводил, твою боевую подругу за местного короля сватают. Так сказать, идет на повышение.

– Ничего я не развожу! – обиделся Карел. – Завтра уже заканчиваются те самые руки дней. Жду, когда Фрейднур появится.

– Ну-ну, ждун. Устроил себе две недели отпуска, о семье забыл, работа побоку.

– Ниче не побоку, я тут местных абаров воспитываю. Они, как отошли от первоначальной ломки, пробовали на меня бросаться.

– Ну, тут ты им вторую ломку и устроил! Бескомпромиссную ломку конечностей.

– И ничего подобного. Они как узнали, что я прилетел на драконе, последний ум растеряли. Теперь, стоит мне появиться, сразу на колени валятся.

– О как?! Ну прямо отдых в солнечной Турции. Ты у них уточни на всякий случай, какой счет потом выпишут. А то подозрительный какой-то уровень сервиса...

– Да не, ничего подозрительного. Они мне тут фреску показали, ну, у них в этой пирамиде, где «электростанция». Там мужик стоит на драконах, а у драконьих ног хаммари раздают мечи. И потом люди мчатся на конях с этими мечами. Вот я, по их мнению, тоже на драконе стоял, – с заметным самодовольством сообщил Карел зе Страже.

– А, ну то есть ты у них герой местной стенгазеты, – хмыкнул Лис. – Звезда неолитической живописи. Идол четвертичного периода кайнозоя!

– Постойте, – вмешался в обмен любезностями Бастиан. – Ты видел там фреску?

– Да. Красивая.

– Но абары – кочевники, у них нет стационарных жилищ, кроме этой, с позволения сказать, «электростанции»!

– Подумаешь, эка невидаль, – отмахнулся Лис, – могли каких-нибудь цивилизованных рабов сюда прииммигрировать, а затем, перед тем как пустить их на батарейки, обменять им время жизни на эти боевые листки.

– Да, вполне может быть, – согласился Валет. – Но кто-то этот план придумал, кто-то указал, что следует рисовать, и кто-то измыслил, как придавать воинам и оружию невиданную силу. Возможно, это и есть как раз человек, стоящий на драконах. Возможно, это он – настоящий создатель мечей!

– Не, Крис, не выходи из берегов! Драконы с хаммари в одной упряжке никогда не ходили. Ты же помнишь, наши военно-воздушные крокодилы созданы, чтобы защищать границу между этим миром и тем. Хаммари иногда удается раздобыть драконов-отступников, но те – совершенно безмозглые отморозки и, я так понимаю, к размножению не способны. Скорее всего, это обычная пропаганда.

– Возможно, это и пропаганда, но вопрос, кто отдал приказ рисовать именно такие фрески и кто дал силу мечам, так и остается без ответа.

– Погодите с фресками! – обиженная невниманием к собственной персоне, оборвала их Женечка. – Мне-то что делать?

– Странно, что мне приходится давать вам, сударыня, дипломированному психологу, столь банальные советы. Во всякой непонятной ситуации – рыдай!

Глава 2

Не стоит искать черную пантеру в темных джунглях. Тем более, если она там есть и хочет есть.
Заповедь бандерлогов

Слуги низко склонились перед хозяйкой дома, открывая перед ней двери. Она шла, будто никого вокруг не замечая. Да и к чему высокородной даме обращать внимание на каких-то сервов?

Улица встретила ее повседневной суетой, но и здесь горожане спешили поклониться и освободить путь. Попробуй, замешкайся: трое громил, личных стражников казначея Элигия, вмиг напомним, кто на дороге главный. Брунгильда шла, высоко подняв голову, не замечая или делая вид, что не замечает окружающего. Ей, дочери и сестре майордомов, супруге хранителя и распорядителя франкской казны, приличествовало нести себя, подобно драгоценному сосуду... Множество завистливых, а порой и недобрых взглядов провожали ее статную фигуру.

Остряки за спиной зубоскалили, что она залежалый товар, намекая на долгие годы, проведенные ею в склепе, и гарпию-подменьша, до недавних дней скрывавшуюся под личиной высокородной сестры Пипина Геристальского. Иные шушукались о какой-то любовной истории, имевшей место быть между ней и сэром Жантом, принцем Нурсии. Так на то они и злые языки, чтобы напраслину возводить и зубоскалить над теми, кого хочется куснуть, да зуб неймет.

Конечно, внезапное исчезновение могущественного Пипина Геристальского и скоропостижное замужество его сестры дали повод к новым пересудам в Париже. Но, и то сказать, в этом городе всегда найдется, о чем посудачить. Вчерашняя новость сегодня уже не новость, сменится день – найдется повод для новых толков.

Брунгильда шествовала по разливающемуся многоголосьем городу, напустив на себя вид величественный и безучастный. Не слишком умело, но уж как получалось. Главное, чтобы никто не увидел ее заплаканных глаз. Какие могут быть слезы, когда на тебе роскошное, привезенное из самого Константинополя, парчовое, шитое невиданными цветами платье, отороченное заморским соболем, а золото и яхонты на груди и запястьях так и лучатся при свете полуденного солнца?!

В тот час, когда золотых дел мастер Элигий, сопровождаемый верным Мустафой, пришел к ней, в тот день, когда выжившие плакали и ликовали, празднуя разгром абарского воинства, она и помыслить не могла о чем-либо подобном. Мало ли зачем может прийти главный придворный ювелир. Но он не принес ей ни перстней, ни диадем, а протянул ошеломленной девице свиток, подписанный и скрепленный печатью ее брата. Не спросив ее желания, опальный майордом недвусмысленно изъявлял свою непреклонную волю, требуя «с покорностью незамедлительно принять от подателя сего предложение руки и сердца». В гневе от столь бесцеремонного обхождения, Брунгильда тут же пожелала лично увидеть брата и высказать ему в лицо возмущение и категорический отказ, но Элигий лишь покачал головой.

– Это невозможно.

– Это еще почему?! – нахмурилась благородная дама, живо чувствуя в себе остаточные явления прежнего родства с гарпией.

– Мессира Пипина нет в лагере. Он сбежал.

– Сбежал?! – ошарашенно переспросила сестра майордома, представляя глубокий каменный подвал, в котором, обвиненный в покушении на жизнь государя, сидел на цепи ее брат. – Но как ему это удалось?

Элигий поднял глаза к потолку и пожал плечами.

– Представления не имею, моя госпожа. Вероятно, поутру начнутся поиски, и скорее всего причастным к исчезновению преступника сочтут некого Шарля из Люджа. Быть может, вам прежде доводилось слышать об этом храбром юноше?

Брунгильда молча кивнула. Ей уже было известно, что у брата от любовницы Алпаиды есть два сына: малолетний Гильдебрант и Шарль-Пипин, совсем недавно опоясанный мечом и принявший мужские воинские обеты. Этого юношу ей пару раз доводилось видеть. Он выглядел старше своих лет и стремился доказать поседевшим в боях воякам ловкость и умение. И не без успеха. Пипин Геристальский внимательно следил за успехами сына, и в схватку с абарами Шарль уже привел небольшой отряд, набранный в окрестностях родного Люджа или же, как называли его франки, Льежа.

– Скорее всего, – продолжал Элигий, глядя на будущую супругу, как готовый к трапезе кот на мечущуюся в панике мышь, – столь пылкий и отважный юноша помог скрыться отцу. Возможно, он полагал, что сражение все спишет. Возможно, надеялся погибнуть в честной схватке и тем замести следы. Однако тут ему не повезло. Он выжил, даже не ранен, теперь его будут пытаться, и он, конечно же, сознается в своем преступлении. – Золотых дел мастер выдержал паузу, не сводя глаз с «нареченной». – Хотя, быть может, он вовсе и не совершал всего этого...

Брунгильда еле сдерживалась, чтобы не взорваться. Да, она совсем недавно познакомилась с собственным братом, и тот вовсе не пылал к ней родственной любовью. Хотя, может, и без охоты, но все же старался обеспечить подобающее ее титулу положение. Да, она едва знала молодого Шарля и не могла сказать, что сколько-нибудь привязана к незаконнорожденному племяннику. Но она чувствовала, что в этом мире одна-одинешенька, и потому изо всех сил держалась за родственные узы, пусть даже и столь эфемерные, как эти. Похоже, Элигий догадывался о чем-то подобном.

– Я даже уверен, – с напускной озабоченностью продолжил он, – что он не совершал того, в чем его обвинят. До сражения было приказано не говорить о злодействе мессира Пипина и его заключении. Шарль, вероятно, и не ведал о них, и, стало быть, не имел возможности ничего предпринять. Думаю, мне бы удалось отыскать надежных свидетелей, которые смогли бы заявить под присягой, что сей храбрый воин не покидал шатра до самого начала боя. Но... – Он вновь протянул Брунгильде гневно отброшенный ею свиток. – К тому же подумайте: если вы будете незамужней девицей в день, когда о преступлении вашего брата объявят всенародно, то унаследуете лишь мизерную толику его богатств, какую-нибудь ветхую развалюху, убогую ферму посреди лесов и болот. С глаз долой – из сердца вон. Остальное попросту отойдет в казну. Вместе же мы получим все, в этом я вам ручаюсь.

Элигий выложил козырь, который почитал сильнейшим, и теперь следил за реакцией Брунгильды. Той уже представлялось прозябание в глухом лесном замке, немногим лучше ее каменного склепа. Если Ойген решит свести с ней счеты за нелепые попытки отбить сэра Жанта, то именно так и будет. Можно даже не сомневаться. Сейчас родство с Пипином ни от чего не защитит. Быть может, то, что предлагает Элигий, еще не худшее из возможного. Быть может... Быть может.

– Я покоряюсь воле брата, – едва справившись с душившими ее слезами обиды, прошептала Брунгильда и отвернулась от суженого.

Свадьбу сыграли через день после их прибытия в Париж. Кардинал-примас Гвидо Бассо-тури лично обвенчал молодых, при этом обменявшись с мастером Элигием такими взглядами, что Брунгильде отчего-то стало не по себе.

В первую брачную ночь на всякий случай она спрятала в изголовье кинжал. Но он не понадобился. О той ночи новоявленная супруга верховного казначея могла сказать лишь одно: она была. Стыд, боль, горечь, неприятное ощущение от тела чужого человека, – ровным счетом ничего из того, о чем пели сладкоголосые менестрели. И вот теперь, всего несколько дней

спустя, очередная досадная новость: ей следует отправиться в Форантайн, родовой замок геристальского дома, и там «в заботах о хозяйстве» дожидаться приезда мужа.

– Мустафа сопроводит тебя, – сухо бросил «счастливый новобрачный», на мгновение отрываясь от подсчетов. И вот теперь благородная дама Брунгильда шествовала ко дворцу, втайне надеясь, что добрая Гизелла прикажет ей и дальше оставаться подле своей особы, что Ойген не держит на нее обиды и они спасут подругу от почетного, но безнадежного заточения.

– Мое почтение, прекрасная госпожа, – послышался рядом голос, подобный голубиному воркованию. Один из силачей-рабов, сопровождавших хозяйку, сделал шаг навстречу говорившему, недобро хмурясь и сжимая пудовые кулаки. Но Брунгильда остановила его.

– И тебе доброго здравия, Бастиан.

– Не найдется ли у вас немного времени для ничтожного песнопевца?

Жена казначея исподтишка бросила взгляд на сопровождавших ее хмурых стражей.

– Я иду во дворец. Помнится, тебе всегда там рады.

Ла-Валетт молча поклонился, давая понять, что оценил намек. Конечно, могучих рабов оставят во дворе – в хоробах, где даже слуги, подающие еду на стол, происходят из знатнейших семейств, рабам делать нечего. Он чуть приотстал, дабы не подавать черни повода для лишних пересудов, и направился «в гости к благородной даме Ойген».

Камеры, скрытые под ювелирами нурсийских головных обручей, откликнувшись на безмолвное требование Валета, тут же показали картину внутренних покоев матушки кесаря, где в эту минуту рыдала Женечка. Со всхлипами перемежались то упоминания имени сэра Жанта, то странные названия далеких нурсийских городов, то и вовсе неведомые фразы на диковинном языке.

Гизелла, несколько обескураженная бурной реакцией на свое более чем достойное предложение, всячески утешала благородную даму, говоря, что ни на чем не настаивает, что есть время подумать, что высшие государственные интересы зачастую важнее их личного женского счастья, что Дагоберт очень скоро войдет в полную силу, и ни один мужчина в мире не сможет сравниться с ним в мужской доблести во всех смыслах этого слова.

Когда дворецкий сообщил о визите высокородной дамы Брунгильды, «плач Тимуровны», уже грозивший дворцу затоплением, едва-едва начал сходиться на нет, и потому государыня, чтобы не нарушить настроения момента, бросила, не оборачиваясь:

– Пусть ждет.

Дворецкий не замедлил передать слова госпожи, и Брунгильда без лишних слов поняла, что пропала, как темень вчерашней ночи. На что она надеялась?! Ее больше не желают видеть! Раньше Гизелла всегда любезно и без задержек принимала сестру первейшего из вельмож своей страны. Теперь, когда тот превратился в беглого разбойника, ее не желали видеть и, дабы окончательно унижить, заставляли ожидать, словно комнатную прислугу.

– И снова мои приветствия прекрасной даме, – приблизился вездесущий Бастиан. – Будет ли мне позволено говорить с вами?

– Будет. Но если тебе нужна моя помощь или заступничество, то ты, дружок, не к той обратился. Нынче я в опале, а скоро и вовсе буду в ссылке, – вздохнула жена казначея, в глубине души понимая, что ее супруг, прежде чем объявить ей свое решение, получил на то согласие Дагоберта и его матери. Должно быть, и свадьба их была нужна только затем, чтобы соблюсти хоть какую-то видимость благопристойности и передать владения геристальского дома безродному выскочке.

– В опале? – удивился менестрель, одновременно вызывая Женечку по закрытой связи. – *Звезда очей моих, что произошло? Брунгильда в опале?*

– *Нет, с чего ты взял?*

– *Она сама так говорит.*

– Можешь ее успокоить, ни о чем подобном здесь речь не шла.

– Госпожа Брунгильда, – старательно наморщив высокое чело, начал Бастиан, – пожалуй, я смогу помочь вам.

– Да разве это возможно? – не в силах скрыть горькую обиду, всхлипнула благородная дама.

– За время нашего пребывания во франкских землях мы делали вещи и более невероятные. Обещаю, что государыня вернет вам свое расположение. Но вы должны помочь мне в этом.

– Все, что в моих силах! – воскликнула Брунгильда, оглянувшись, боясь, не слишком ли громко прозвучали ее слова, и, убедившись, что ее никто не слушает, добавила: – Но, конечно, в границах благопристойного.

Уединенная лесная молельня близ монастыря Святого Эржена пустовала несколько месяцев. Прежде отец-настоятель отправлял сюда стремящихся к благости послушников. Здесь, в лесной чаще, в тиши, нарушаемой лишь скрипом деревьев, шорохом листвы, уханьем филина да волчьим воем, отшельники обретали душевный покой и укреплялись в намерении, отринув скверну мирскую, посвятить себя служению Господу.

Однако крестьянин-углежог, собиравший хворост для своего промысла, утверждал, что с недавних пор в молельне появился новый обитатель, причем какой-то необычный. Вместо перебирания четок и молитв, устремленных в горние выси, этот метал в цель камни, таскал на плечах увесистые бревна и, что уж совсем богопротивно, упражнялся с мечом. Да и то сказать, углежог, наблюдавший за новым послушником из кустов, божился, что отшельник похож на майордома Пипина как две капли воды. Он, впрочем, видел его лишь мельком, когда привозил уголь в лесную крепость. Да и хмельного лесной житель любил выпить сверх меры. Но как бы то ни было, он готов был спорить с любым на серебряный денарий, что послушник с Пипином Геристальским – на одно лицо.

И вроде бы он даже нашел желающего рискнуть полновесной монетой, и в лес его повел, да только потом их никто более не видел. Отыскали лишь обглоданные волками кости, решили, что дело тут недоброе, и постарались забыть о молельне с ее странным обитателем.

Пипин взялся за скобы, вбитые в тяжеленный дубовый чурбак, и вскинул груз на грудь. Раз, выдох – и массивный обрубок дубового бревна поднялся над головой, два – вновь опустился на грудь, три – снова вверх... Пожалуй, с тех давних пор, когда отец перепоясал юного отпрыска боевым поясом, усеянным начищенными медными бляхами, и вручил скованную под руку первенца спату, добрый обоюдоострый меч, – ему не доводилось столько заниматься воинскими упражнениями, развивающими силу и ловкость, сколько здесь, в уединенной лесной молельне. Да и то сказать, он был силен с малолетства, как, впрочем, и все мужчины геристальского дома. Для того, чтоб командовать войском, вовсе не главное – владеть оружием лучше любого из воинов. Но теперь высокое искусство боя могло пригодиться ему более, чем когда бы то ни было.

Пипин уже оградил молельню забором из валунов, собранных сюда со всего леса. Благо, чего-чего, а камней в здешних местах хоть отбавляй. Ограда дело хорошее, волки в последние годы лютуют – просто беда. Вот те двое крестьян, вздумавшие за ним следить, – пока рыл яму, чтобы спрятать трупы, звери от них одни кости оставили.

Один волчина прошлой ночью и вовсе к самой двери молельни подходил, даже через дрему были слышны его дыхание и недоброе ворчание. Хорошо, дверь крепкая, и крюк на ней кованый. А то ведь дело-то какое: может, и не просто зверь тут поохотиться зашел. Может, оборотень какой по его душу сыскался? Всю ночь под дверью тварь лесная бродила, сквозь щели внутрь заглядывала, а следов и нет! Хоть крестись тут, хоть через плечо в чертову морду

плюй! Ничего, вот поставит здесь силки и волчьи ямы, западни да ловушки смастерит – не то что волку, белке не проскользнуть!

Пипин бросил наземь колоду и с шумом выдохнул, разминая запястья. Сам себе бывший майордом напоминал такого одинокого волка. Как же так получилось, что его, умного, хитрого, сильного и могущественного, провели какие-то чужестранцы, не имеющие в стране ни связей, ни корней?! И вот, что уж совсем противно, этот несуразный толстяк Элигий!

«Но ничего, проигранная схватка – хороший повод для продолжения войны! Теперь, когда суэта государственных дел не про мою честь, все они сполна узнают остроту волчьих клыков!

Вот только эта тень... Зверь ли то был, оборотень, а может, и вовсе дух нечистый, подстерегающий у молельни нестойкого в вере богомольца, – как знать? Но уж больно привязчива тварь для обычного, даже оголодавшего зверя. Ни дня, ни ночи не разбирает».

Он дернул щекой, прищурил глаза, вспоминая то ли явь, то ли видение – метнувшуюся в сторону неясную тень, которую он намеренно заметил, когда спозаранку отпер дверь. Заметить-то заметил, да вот кто это был, так и не разобрал. Он потому-то и засаду устроил. Да только попались какие-то углежоги – хоть и черные, да не черти. И то сказать, поначалу даже надеялся, что избавился от соглядатаев, однако на следующий вечер тень появилась снова, промелькнула мимо затянутого бычьим пузырем оконца, точно огромный нетопырь.

Когда Пипин выскочил на крыльцо с обнаженным мечом в руках, лишь одинокий волк зло рыкнул в отдалении и скрылся в сумеречном лесу. Может, то и был волк? Может, ему только чудится эта странная тень? Может, все беспокойство – пустой морок, нелепые страхи гонимого зверя?..

– Эй, хозяин! – раздалось за каменной изгородью.

Пипин отскочил, досадуя, что меч спрятан за лежанкой и на поясе лишь кинжал. Голос звучал молодо и явно принадлежал человеку, не склонному что-либо просить. Пипин скрылся за толстым древесным стволом, затем шумно выдохнул и улыбнулся. Да уж, страх погони страшнее гончих!

Он выступил на опушку, распахивая объятия. Воин, совсем еще юноша, стоял за нагромождением замшелых валунов, держа коня в поводу.

– Здравствуй, отец! Ну и глушь! Ну, ты и забрался!

Лис оглянулся. Обязанности командира личной гвардии молодого самодержца в мирное время были не слишком обременительны, однако требовали его присутствия в парижской резиденции. Идти не хотелось, но, с другой стороны, чем-то надо было занять время перед отправкой домой. Чем еще заниматься в мире, где самое интеллектуальное развлечение – послушать проповедь? Подобного времяпрепровождения Лис терпеть не мог и потому делил часы невольного досуга между написанием отчетной баллады и военными упражнениями. На ближайший церковный праздник он назначил баронам смотр строя и песни, и теперь на ходу переделывал «Солдатушки – бравы ребятушки» на средневеково-франкский лад. Впрочем, куда там средневековый, времена совсем еще темные, ничего светлее пышущего огнем дракона ищи – не найдешь.

И вот тут еще этот монах откуда-то взялся. Из дому не выйти, чтоб на святошу не наткнуться.

– Не соблаговолит ли почтеннейший мессир Рейнар уделить мне крошечную минутку своего драгоценного времени?

Сергей хмыкнул про себя: «Ну да, конечно».

– Между прочим, уважаемый падре, деление на минуты и секунды еще не придумано. Это так, к слову, – вскользь бросил он.

– Молодец, хватки не утратил! – Святой отец отбросил назад капюшон.

– Чем обязан, ваша милость? – Лис соорудил подобающую случаю укусно-приторную физиономию. Институтское начальство не часто жаловало местные исторические выселки своим появлением. Впрочем, к лорду Баренсу это относилось в минимальной степени – все же в прошлом он и сам лихой оперативник.

– Я только что от наших металлургов. Они тщательнейшим образом исследовали отравленный тобой на экспертизу меч и, прямо сказать, жаждут познакомиться с автором технологии.

– Это в смысле, хаммари его сковать не могли?

– Ни хаммари, ни абары, ни местные кузнецы, ни японские мастера, до рождения которых осталось еще лет этак восемьсот-девятьсот. Клинок совершенно уникальный. Это не просто высокоуглеродистая сталь. Во-первых, она имеет различные физические свойства в различных частях клинка. Но это еще хоть как-то можно объяснить, а вот почему эти свойства меняются при столкновении с тем или иным предметом, наши металлурги объяснить не в силах. И не только нам объяснить, это было бы еще полбеды, они и сами понять не могут.

– Это шо, когда этим мечом рубишь железо и когда дерево – это получаются как бы разные клинки?

– Да, мой друг, так и есть. При этом меч будто бы сам знает, что от него потребуется.

– Ух ты, какая мозговитая шняга! Камдил узнает – не поверит! – неподдельно восхитился Лис. – Как там, кстати, его поиски? Что-нибудь слышно?

– Увы, пока ничего. Если что-нибудь удастся выяснить, ты узнаешь в числе первых. Но вернемся к мечам, – глава Отдела Разработки мягко сменил тему. – Есть одна загвоздка – без той самой, условно говоря, магической энергии, которой подпитывались воины-абары, он не способен крушить сталь и камни направо и налево, словно это пенопласт. Хотя, в среднем, перемахнуть железный прут с палец толщиной – для него ерундовая задача. А потому, почтеннейший мессир Рейнар, ваше пребывание в этом мире продлевается. Вам и вашей группе надлежит отыскать, так сказать, отца мечей, корень всех зол, и, по возможности, извлечь его.

– А по невозможности? – вкрадчиво уточнил Лис.

Джордж Баренс со вздохом развел руками.

– Работа оперативника сопряжена с опасностями. Мне ли тебе об этом рассказывать?

– Ну, спасибо Бастиану, задал нам всем задачку! Ну, вундеркинд, удружил.

– Да, кстати, – лорд Баренс вновь накинул капюшон на голову, – можешь обрадовать свою команду: они больше не стажеры, а младшие оперативные сотрудники. В штате, с пенсией, бонусами и оплатой командировочных. Действуй!

Глава 3

Беда – хороший учитель, но часто учит плохому.
Бернард Шоу

Пипин Геристальский плеснул воды из бурдюка в долбленную из дерева чашу. Шарль пригубил напиток, предложенный ему, и с удивлением поглядел на отца.

– Готовишься принять монашеский постриг?

Бывший майордом криво усмехнулся шутке сына и покачал головой.

– Тогда что? Если пожелаешь, в следующий раз я привезу тебе хорошего фалернского вина. После недавней победы я разжился тремя увесистыми бочонками.

– Не сейчас. – Опальный вельможа сдвинул брови, точно гневаясь. – Когда вернем отобранное, можно будет вдоволь напиться твоего фалернского, так что побереги его до лучшего дня. Надеюсь, осталось немного.

– Я разговаривал с Элигием, – утолив жажду питьем, достойным коня, рассказал молодой воин. – Он, конечно, приветлив, как и положено лавочнику, и божится, что сделает меня дуксом кесарского воинства, но это всего лишь слова. Он, может, и хотел бы, но не по зубам ему. К чему пустые обещания, когда личной гвардией Дагоберта командует чужестранец! А мадам Гизелла в нем души не чаёт. Можно не сомневаться, когда речь пойдет о назначении дукса, обо мне даже не вспомнят. После битвы, в час раздачи наград, Дагоберт поглядел, точно видел что-то важное за моей спиной. Как еще указать человеку на его ничтожество?

– Он на всех так смотрит, – успокоил его Пипин Геристальский. – Ясное дело, кровь-то драконья. Нашим землям нужен другой правитель. Эти крылатые твари могущественны и умны, однако людьми должны управлять люди, а не драконьи полукровки!

– Ты уже попробовал взять власть в свои руки, – мотнул головой Шарль. – Причем в тот момент за тобой стояла немалая сила, и могущество твое казалось несокрушимым. В результате все пришлось валить на Брунгильду. И слава Богу, что заморские гости умудрились извести проклятую гарпию.

– Воистину, Господь наказывает за гордыню. – Пипин встал из-за стола убогой келейки, подошел к оконцу, выглянул, проверяя, не принесла ли вдруг нелегкая какого путника. – Никто в целом мире не мог предугадать, что эти странные люди из никому не ведомых краев появятся в наших землях. Быть может, они и не люди вовсе. И хотя дама Ойген прекрасна, как ангел, полагаю, что к небесному воинству они тоже не имеют отношения. Иначе не вмешались бы в столь богоугодное дело, как устранение от власти драконьего рода. Но я верю, сынок, что мы на верном пути. И Господь, испытав верность нашу, все же дарует победу оружию возлюбленных чад своих.

– Я всегда на твоей стороне, отец. – Шарль подошел к бывшему майордому. – Пока мой отряд невелик, но люди верны и готовы действовать. Веди нас в бой!

– В открытый бой вступать еще не время. – Пипин нахмурился. – Пока что нужно тихо собирать баронов, искать недовольных, раздувать обиды, которые Дагоберт чинит на каждом шагу, даже не замечая того. Нужно вгонять клинья между тронном и замками местных властителей.

– Но все это долго, очень долго! – сжал кулаки нетерпеливый юноша. – На это могут уйти годы.

– Это нужно сделать, даже если потребуется всю жизнь посвятить! – резко оборвал его опальный правитель франкских земель. – И мы сделаем это. Но есть насущные дела, те, что можно начать прямо сегодня.

– Слушаю тебя, отец.

– Сам по себе Дагоберт еще не слишком вошел в силу. Да, его величают победителем абаров, и он храбро действовал на поле боя, однако же и тебе и мне известно, что, не будь на его стороне нурсийцев, он бы так и сгинул там, в ущелье, вместе со своей доблестью, а заодно и войском. Следовательно, необходимо как можно скорей избавиться от них. Я слышал, сэр Жант вместе с изменником Фрейднуром уже сгинули бесследно?

– Да, о них с тех пор никто не слышал.

– Тем лучше. Значит, остались Кривоносый, сладкоголосый пустозвон Бастиан и красавица Ойген. Бастиан, ясное дело, ерунда. Красотку я очень желаю заполучить себе для утех. А вот тощего выскочку хорошо бы тихо отправить к праотцам. Еще лучше – сделать так, чтобы он перед смертью хорошенько опозорил себя. Не важно, каким образом, главное, выставить его лгуном, грабителем и трусом.

– Бастиан тоже не ерунда, – поправил юный Шарль. – Вояка из него и впрямь курам на смех, однако вспомни, как он поднял баронов на защиту Реймса.

– Хорошо, стало быть, и он тоже. Оба должны быть уничтожены.

– Напасть на них в Париже – безумие, – тихо проговорил Шарль из Люджа.

– Это правда. Но мы и не станем уподобляться безумцам. Помнится, вскоре после злополучного появления нурсийцев в наших землях Рейнар тяжело пострадал в схватке с драконом и едва не помер от ран. Его выносили тут, поблизости, в монастыре Святого Эржена. Конечно, он щедро отблагодарил монастырскую братию, но вряд ли сможет оставаться безучастным, если аббатству будет грозить опасность. Во всяком случае, нам следует обставить дело так, чтобы сам высокопреосвященный Гвидо Бассотури потребовал у государя защиты церковных владений. А уж тот наверняка пошлет разбираться Рейнара.

– Тут-то ему и конец. – Шарль хлопнул в ладоши, точно расплющивая противника, как назойливую муху.

– Так и есть, – подтвердил Пипин Геристальский, – но это не все. Хорошо бы, чтобы он умирал у тебя на коленях. Гизелла чувствительна к подобным сценам и запомнит тебя как ближайшего соратника «несчастливого Рейнара». Полагаю, в этом случае Элигию не останется других вариантов, кроме как сделать тебя преемником нурсийца. Ты ему теперь родня, воспитанник, он непременно сделает на тебя ставку. Проявляй ему покуда дружескую почтительность и подобающее званию уважение. Не думаю, что при дворе найдется много желающих считать равным этого вчерашнего ремесленника. Вот и стань первым из немногих. Даже если будешь единственным – дело того стоит. Но главное, помни – с сегодняшнего дня в землях аббатства Святого Эржена и в самом монастыре должны начаться бесчинства. И позаботься, чтобы о них стало известно в Реймсе и Париже. Уверен, кардинал Бассотури не оставит бедных пастырей господних стад без своей деятельной заботы.

– Я сделаю все, что ты сказал, отец. – Шарль из Люджа склонил голову.

– Вот и прекрасно. Сейчас поешь, и в дорогу!

Последние дни Карел зе Страже даже не глядел в небо – что толку? Всюду, куда достигал его взор, тянулись ветви небывалого древа. Вот что печально – сидишь под таким древесным великолепием, а костер сложить не из чего. И сколько ни иди, сухая трава, пережари-поле да ветер, гоняющий второе по первому. Днем еще так-сяк, в тени не жарко, но с наступлением ночи становилось отчаянно холодно. Однако Карел зе Страже, подобно своим далеким предкам, храбрым рыцарям-крестоносцам, готов был голодать и мерзнуть, но все же добиться своего. Время от времени он охотился на мелкую дичь, иногда пытался вырубить мечом какой-нибудь из стволов, переплетавшихся у основания дерева. Прямо сказать, толку было не слишком много – упругая древесина едва-едва поддавалась острейшей стали. Когда же после нескольких часов стоических усилий сэру Жанту удалось вырубить кусок ствола тол-

щиной и длиной с руку, выяснилось, что в огне это полено даже и не думает гореть. Более того, практически не нагревается.

Утром очередного дня принц Нурсии проснулся от ужасающего треска и, едва открыв глаза, увидел, как огромная ветвь длиной с перрон железнодорожной станции рушится почти с небес наземь. Более того – норовит упасть аккурат ему на голову! Сэр Жант вскочил, подхватывая лежавший рядом меч, вернее, оба – свой и побратима, и отпрынул быстрее зайца, застигнутого посреди капустной грядки. В тот же миг земля содрогнулась, и этот тяжелый гул будто послужил сигналом к массовому обрушению. Треск раздавался вновь и вновь. Дерево рушилось на глазах, демонстрируя в проломах лоскуты безмятежно синего неба.

– Нужна ветка! – Сэр Жант, совсем уж было вознамерившийся дать стрекача, припомнил наставления Баляра. Не то чтобы прежде ему когда-нибудь доводилось мастерить дудки, тем более из дерева, ствол которого с великим трудом прорубает меч, но попробовать он должен был. Тем более что следовало как-то выбираться к своим, а дракон, с удовлетворением осмотрев раздолбанное их совместными усилиями святилище абаров, умчался бог весть куда, и сомнительно, планировал ли вернуться.

«У Баляра и его людей хоть дорогу спросить можно», – подумал Карел. Он нагнулся, и, чтобы отчекрыжить от длиннющей ветви небольшой отросток, рубанул мечом. И тут же в шаге от него с оглушительным грохотом наземь упала одна из плетей, составлявших еще совсем недавно толстенный ствол.

– Да что ж это такое?! – молодой оперативник резво отпрынул, поглядел на саморазрушающееся дерево и обмер, едва не выронив меч. Из ствола, протискиваясь сквозь щель и миг за мигом раздвигая ее, показалась огромная рука. Пожалуй, сидя на этой пятерне, сэр Жант мог бы вольготно раскачиваться, будто на качелях.

Мускулистая конечность высунулась до локтя, затем до плеча, потом, разрывая твердые плети, из ствола показалась ладонь второй руки. Карел же Страже следил за происходящим, точно зачарованный. Между тем ладонь уцепилась за край щели, из перевитого ствола раздался дикий рев, и дерево распалось на две части, как поломанный зуб, оглашая всю округу грохотом, подобным взрыву склада боеприпасов. Сэр Жант, побледнев, отпрынул. Это движение тут же привлекло внимание «новорожденного», и тот ринулся к нему с ревом, подобно обиженному мамонту.

– *А-а-а, оно гонится за мной!* – вопил принц Нурсии на канале связи. – *Оно хочет меня съесть!*

– *Кто – оно?* – отозвался Лис, отвлеченный от изучения собрания древностей храма Всех Святых.

– *Фрейднур!*

– *Дети малые, вы там решили в лапту поиграть? Погоди, шо ты буровишь? Какой еще Фрейднур, откуда он взялся?*

– *Из дерева!* – вопил сэр Жант. – *Он догоняет!*

Это было чистой правдой. Карел же Страже, несомненно, имел прекрасную атлетическую подготовку. И сейчас он мчался, будто земля припекала ему ступни. Но существо, гнавшееся за ним следом, было в четыре раза выше, и шаг у него был куда длиннее.

В тот самый миг, когда до Лиса дошла пренеприятная новость, развернутая ладонь великана опустилась перед сэром Жантом пятибревенным забором и сомкнулась, обхватывая прочнее, чем железные ободья – доски пивной бочки. Карел суматошно мотал ногами, размахивал мечом, пытаясь хотя бы оцарапать чудовище, лицом и впрямь напоминающее Фрейднура, десятого сына Зигмунда. Но того, похоже, вовсе не беспокоили нелепые телодвижения не в меру активной добычи. Он не донес победителя абаров до широченной пасти, поднял на уровень глаз и мизинцем свободной руки попытался легонько погладить ошалевшего пленника

по макушке. На голове принца моментально образовалась ссадина – пальцы великана в самом нежном месте напоминали точильный камень.

– *Это еще что за внеплановая акселерация?* – удивился Лис, разглядывая глазами подчиненного улыбающуюся физиономию.

– *Подозреваю, что все это магия дерева,* – вмешался в обмен междометиями Бастиан. – *Баляр и люди его племени набирались сил, ненадолго прислонившись к стволу. А тут Фрейднур провел несколько дней внутри, напитываясь живительными соками, вот мощь-то и увеличилась. Но, как мне кажется, он узнал сэра Жанта и не хочет причинить ему зла.*

– *Ну, дай-то Бог! А то видал я собак, которые, прежде чем куснуть человека, тщательно вылизывали ему руки.*

– *По-моему, здесь несколько иной вариант,* – сдержанно произнес выпускник Сорбонны. – *Мне кажется, существо, появившееся в результате молекулярной диффузии хам-мари и Фрейднура, узнало, так сказать, родича. Но что будет дальше?*

Взгляд брата-привратника из настороженного превратился в ошеломленный – на стучавшем в калитку аббатства, кроме нательного креста и двух лопухов, прикрывающих срамные места, ничего из одежды не было. Между тем глаза не обманывали монаха – по ту сторону ворот стоял не какой-нибудь нищий бродяга, а мастер Освальд, бессменный управляющий монастырскими землями по ту сторону реки. Монах перекрестился, суетливо загрохотал железным засовом, поспешая открыть калитку и впустить несчастного.

– *Входите, входите, мастер Освальд. Вы в таком виде... Что это с вами приключилось?*

– *Вы еще спрашиваете,* – утирая обильно текущие по щекам слезы, всхлипнул управляющий. – *Меня ограбили разбойники, ограбили и избили,* – он затравленно оглянулся. – *Дайте же мне какие-нибудь лохмотья прикрыть наготу. стыдно людям на глаза показаться.*

– *Да-да,* – пробормотал привратник, делая знак стоящему чуть поодаль вояке отдать жертве разбоя свой плащ. – *Где это случилось?*

– *За переправой, у трех дубов,* – снова всхлипнул Освальд. – *Они набросились со всех сторон, приставили меч к горлу, так что я даже крикнуть не успел. Забрали все до последней нитки: коня, обоз и то, что на возу, – оброк с фермы, – вновь зарыдал, вспоминая недавнюю стычку, управляющий.*

– *Один всадник преградил дорогу, еще двое подъехали сзади, остальные выскочили из кустов?* – поинтересовался осанистый солдат, передавая всхлипывающему бедолаге серый дорожный плащ.

– *Так и было.*

– *Вот же беда на наши головы!* – хмурясь, процедил командир стражников. – *Каждый день – новое ограбление. Эти негодяи вовсе страх потеряли. Пятое нападение за пять дней. Не иначе, банда Молота: каждый раз одно и то же – грабят и молотят до полусмерти. И все в монастырских землях. Может, кто-то мстит аббатству?*

– *За что, сын мой?* – возмутился смиренный брат-привратник. – *Живем по Божьим законам, довольствуемся малым и не изнураем свою паству.*

– *Мало ли, всякое может быть,* – невразумительно ответил умудренный опытом боец, почесывая кустистую бороду.

– *Я еще не все рассказал,* – вмешался в их разговор пострадавший. – *Когда эти мерзавцы совлекли с меня одежду и начали дубасить, будто я сноп колосьев, мимо как раз проезжал некий молодой господин со слугой. Он накинулся на грабителей как лев, однако, увы, силы были неравны. Слугу его пронзили копьем, а его самого, увы, сбили с коня и так оглушили, что дух вон! Едва жив остался. Затем нас бросили на дороге без сознания. Когда я очнулся, кроме меня и этого молодого господина поблизости никого не было. Я тащил его на себе, сколько мог, но затем выбился из сил и оставил уже неподалеку от стен монастыря под деревом. Он*

стонет и все время призывает святых отцов. Должно быть, совсем плох и желает исповедаться перед тем, как отдать богу душу.

– Можешь указать место? – нахмурился стоявший у ворот стражник.

– Конечно, как же иначе, я сам его и прятал.

– Хорошо. – Старый вояка оглушительно свистнул в два пальца, бесцеремонно нарушая монастырское благолепие. Со стен на этот зов к нему устремились еще двое бородачей в кольчугах и шлемах. – Ты едешь со мной, – скомандовал старший, указывая на одного из соратников, – ты остаешься на страже.

– Всего один человек для охраны монастыря? – обеспокоился брат-привратник. – И так-то немного, но всего один...

– И того могло бы не быть, – недовольно буркнул в ответ стражник. – Как господин наш Пипин из лесной крепости уехал, лишь малый гарнизон остался. Вы уж лучше своему настоятелю в Реймс пишите, да кесарю в Париж, пусть оградят святое место от разбойного люда.

– Напишем! – в праведном гневе поднял кулак монах. – Наша братия немало сделала для молодого Дагоберта.

– Вот и я о том. – Страж указал соратнику на конюшню. – Оседлай трех, нет, четырех коней. Лучше трех коней и одного мула. А вы, святой отец, прошу вас, приведите этого бедолагу в достойный вид.

Шарль из Люджа приоткрыл глаза, зелень весело шелестела над головой, какая-то пичуга, усевшись на тонкой ветке, разглядывала жертву грабителей с явным сочувствием.

– Эх, красота несказанная, – рассматривая побои, констатировал геристальский бастард. Натертые медяками синяки выглядели так, будто сам он был крепостными воротами и кто-то долго колотил по ним тараном. Конечно, для пущей убедительности пришлось немного sprysнуть все это красненьким, но тоже дело пустяковое. Одна лишь разминка с притупленным мечом один против троих – и кровоточащих ссадин хватит, чтобы в ужасе затрепетало сердце мирного святоши. Главная загвоздка в том, чтобы дурачина Освальд не разглядел, в каком виде подъехал молодой господин. Но с этим справились без особого труда. Когда управляющего, повалив на мешки с брюквой, колотили палками, у того не было ни времени, ни возможности рассматривать пришедшего на помощь храбреца. А уж потом «собрат по несчастью» показался ему настолько израненным, что собственные побои виделись просто дружескими шлепками. Вот теперь этот глупец отправился за подмогой, а перед тем долго уговаривал «молодого господина» не помирать, дожидаться священника.

Чуть поодаль раздались голоса.

– Клянусь, я здесь его оставил.

– Да ты не суетись, – напутствовал знакомый голос. – Раз оставил, значит, где-то тут лежит, если ангелы господни на небеса не вознесли.

Шарль копнул в недрах памяти – ну конечно, голос принадлежал одному из ветеранов гарнизона лесной крепости, виделись с ним раз десять.

«Вот и славно», – усмехнулся сын Пипина Геристальского.

– На помощь, я здесь!

Он увидел приближающихся копьеносцев, откинулся назад, демонстративно лишаясь чувств.

Глава 4

Если ты никого не боишься, значит, самый страшный!
Бармалей

Карел уперся ногами в безымянный палец великана, пытаясь хоть немного отжать его, выскользнуть из кулака, удерживающего несчастную жертву. Дыхание чудища, может, и не напоминало драконье, языки пламени не превратили героя Богемии в свежеподжаренное барбекю, но, пожалуй, бочка хорошего снадобья для чистки зубов здесь бы не помешала.

– Отстань! – заорал Карел, пытаясь спрятать голову в гигантский кулак. – Я не диетический!

Трудно сказать, почему в голову доблестного воина пришла идея, что этакое чудище может сидеть на диете, но похоже самого великана подобное заявление развеселило. Он захохотал, отчего листва, опавшая с монструозного древа, поднялась в воздух и закружила, не смея опуститься.

– Карел! – проревел огромный детина. – Это же я, твой названный братец Фрейднур! Ты что же, не узнал меня?

Будущий герой абарского эпоса молча кивнул. Конечно, в этом невероятном верзиле было нечто, отдаленно напоминающее десятого сына Зигмунда. Во всяком случае, он точно был мужчиной. В пользу этой версии говорила окладистая борода, да и определенные детали мужского естества, которых, впрочем, сэр Жант сейчас наблюдать не мог. Увы, в отличие от живой, пусть даже каменной плоти, одежда не могла расти соразмерно росту тела. И потому ее жалкие обрывки валялись сейчас посреди многих тонн иссыхающей древесины напоминанием о прежних баронских нарядах храброго северянина. Сохраненный Карелом добрый клинок годился великану разве что в качестве зубочистки.

Между тем Фрейднур оглянулся, пытаясь уложить в голове новую реальность. Наблюдать мир с высоты средних размеров колокольни было непривычно, но довольно удобно, однако даже оттуда было не видать ни крыш Парижа, ни даже высочайших пиков Альпийской гряды.

– Ну что, братец Карел, – аккуратно ставя наземь друга и соратника, пророкотал Фрейднур-переросток, – куда идти-то?

У Карела заложило уши от столь близких раскатов громовой речи.

– А можешь потише?! – взмолился он, трясая головой.

– Да разве ж я кричу? – удивился великан и для понятности заорал во всю мощь, зачем-то стукнув кулаком о волосатую грудь, ответившую на удар глухим рокотом: – Эгегей, выходи на честный бой!

Желающих вступить в схватку не оказалось, однако на свою беду, привлеченные шумом, из зиккурата «электростанции» выскочили переполошенные абары. Их появление не прошло незамеченным – широченная улыбка тут же сошла на нет, глаза Фрейднура подернулись серой поволокой. Он скрипнул зубами и процедил, заставляя окружающую листву вновь прижаться к земле:

– Ага, вот вы и попались, мерзкие предатели!

Абарские воины явно были не робкого десятка, но все же расстройством ума не страдали, а потому опрометью бросились под защиту мощных стен. Однако этот маневр вовсе не смутил гиганта – в четыре прыжка он оказался возле каменного святилища и попытался нащупать кого-то по ту сторону выбитой им двери. Судя по гримасе, отобразившейся на его лице, это ему не удалось, однако спрятавшиеся абары вовсе не намеревались ограничиваться бегством и, вероятно, предпринимали активные попытки изгнать противника из своих пределов. Фрейднур морщился, словно пытался схватить невидимый кактус, но вдруг оглуши-

тельно вскрикнул и выдернул руку из развороченного дверного проема. В указательном пальце длинной занозой торчал недобро прославленный на всю Европу абарский меч. Лицо гиганта помрачнело, он выдернул клинок из раны, отбросил его в сторону.

Карел видел, как из пореза на землю падают увесистые капли не алой, а красновато-черной, густой, будто нефть, крови. Это зрелище несколько смутило его, но вмешиваться в происходящее он не рискнул. В конце концов, на стороне обороняющихся был огромный мощный зиккурат, а на его – лишь недавняя улыбка великана и призыв видеть в нем побратима. Судя по тому, как в единый миг изменилось настроение «обновленного» Фрейднура, такое заявление сейчас уже могло стоить не больше увядшей листвы под его ногами. А потому, оставив абаров их прославленной доблести и прочности стен, Карел отправился за оброненным в суতোлке мечом боевого друга, которого преображенный франкский барон, казалось, вовсе не заметил. Это само по себе вызвало у бывшего сержанта президентской гвардии немалое удивление: «Как это так, доблестный воин, всю жизнь гордившийся своим геройским ремеслом, вдруг позабыл о средоточии боевого духа – стальном воплощении божьего промысла?! И добро бы это был просто меч, но дар кесаря Дагоберта!..»

Карел вновь поднял с земли оружие, закрепил перевязь за спиной и, вспомнив о напутствии Баляра, начал присматривать ветку для волшебной дудки. В это миг Фрейднур снова взревел, и встревоженный богемец увидел, как тот с флегматичным упорством, достойным лучшего применения, выворачивает каменные блоки, расширяя дверной проем. Похоже, здание строилось без использования цемента, просто за счет веса массивных глыб, совсем как дом из кубиков в детском саду, и потому работа продвигалась вполне резво.

«Этак, пожалуй, их всех там привалит, – всполошился Карел. – И этого переростка тоже». Здесь он был недалеко от истины: начав выворачивать камни, чтобы проникнуть внутрь, великан сейчас просто с интересом глядел, как обрушиваются верхние глыбы, лишившись опоры снизу. Вероятно, он и вовсе позабыл об абарах, поскольку сейчас радостно хохотал, пугая окрестных сусликов и заставляя птиц облетать зиккурат по широкой дуге. «Надо с этим что-то делать, – встревоженно подумал нурсийский принц. – Вопрос – что? Уж точно не вступать с ним в схватку. Эх, была не была!».

– Эй, Фрейднур! – закричал сэр Жант. – Не знаешь, как из этой палки сделать дудку? – Он продемонстрировал великану поднятую с земли ветку длиной с хороший посох, справедливо полагая, что предметы меньшего размера им вовсе не воспринимаются как достойные внимания.

– Что, братец? – Фрейднур моментально отвлекся от производимого им акта вандализма и почти с нежностью уставился на Карела. – Дудку? Это мы сейчас! – позабыв о зиккурате и скрывшихся в нем коварных врагах, он вразвалку побрел к побратиму. – Вот только ножик бы найти. – Он поглядел на свой меч за спиной Карела. – Нет, этот для дудки великоват. Тут дырочки малюсенькие надо вырезать. Меньше нет?

Богемец запахнул плащ, чтобы спрятать висевший на поясе кинжал. Похоже, Фрейднур еще не до конца понимал свои нынешние возможности и не соотносил новые габариты со старыми умениями.

– Нет, – мотнул головой Карел. – Может, еще где есть? Пошли вместе поищем, оставь эту пирамидку.

– Ага, – согласился великан. – Поищем. И поесть бы еще чего-нибудь. – Он оскалился и очень недвусмысленно облизнулся.

«Да уж, этот если проголодается... лучше не надо», – мелькнуло в голове сэра Жанта.

– Туда идем. – Он махнул рукой в ту сторону, куда две недели назад отправился Баляр со своими людьми. – Там лес, а в лесу всегда дичь найдется.

Лис покачал головой и пробормотал:

– Да, это было круто.

Громадина Фрейднур не то что вовсе не укладывался в его планы, он переворачивал их самим фактом реальности своего существования. Можно не сомневаться, институтское руководство незамедлительно потребует у слоняющихся без дела оперативников разобраться в причинах, а главное, последствиях этой вопиющей во все горло трансмутации. Можно подумать, больше нам заняться нечем!

Да ладно, работа есть работа. Он включил закрытую связь.

– *Ау, племя молодое, незнакомое! Отвлечитесь от текучки, объявляю мозговой штурм.*

– *Почему это вдруг незнакомое?* – возмутилась благородная дама Ойген.

– *Хорошо, изменю формулировку,* – на удивление легко согласился Рейнар. – *Не знакомое с начальственным гневом. А как свидетельствует мое нижнее-полушарное образование, он всегда ближе, чем победа коммунизма.*

– *Разве что-то не так?* – удивился Валет.

– *Мой юный друг, понятие так и начальственный гнев несовместимы, как те гений и злодейство. Даже если у тебя третья полушарие в голове и еще два резервных заднего ума в придачу, никогда не угадаешь, отчего начальство жаждет твоей крови. Главное – не забывать: оно претендует на содержимое ваших вен и артерий сильнее, чем каракумский упырь, терзаемый хроническим сушняком. А поскольку с сегодняшнего дня вы уже не стажеры, а младшие оперативники, судьба ваша безрадостна и прихотлива. Если вдруг кто не понял, это была торжественная часть и поздравления. Теперь по делу.*

Басиан, спецом для героя дня: предчувствия тебя не обманули, с клинками реально все, как сказали бы на моей родине, шкереберть, полная фигня, в общем. Их не может быть, потому что не может быть никогда. И то, что они существуют, мало что меняет. Поэтому нам предстоит найти, и, подозреваю, обезвредить первоисточник этого добра, в смысле имуществва. Лично мне от таких заданий, прямо скажу, на стенку лезть хочется. А когда хочется лезть на стенку, это что? Альпинизм? Не угадали. Правильно, детишки, – это штурм. Пока, слава Богу, мозговой. Но варианты могут быть разнообразными. К ним стоит быть готовыми заранее. Итак, по флотскому обычаю, господа младшие оперативники, жду ваших эпохальных предложений. К вам, прелестная госпожа, это тоже относится.

– *Я возражаю против термина «прелестная».*

– *Это ты с Гизеллой обсуди,* – хмыкнул Лис. – *В общем, как предложение по делу не катит, думай дальше. Басиан, тебе первое слово. Буквально, как неугасимому светочу и маяку.*

– *Ну что вы,* – как всегда галантно ответил Ла Валетт. – *Какой же я маяк?*

– *Проблесковый,* – не дал договорить Сергей. – *Ибо благодаря твоим проблескам ума у нас как раз и образовался этот головняк. Слышал поговорку: «Дурака работа ищет»? Вот с помощью твоего маяка она нас и нашла.*

– *Я отказываюсь считать себя дураком!* – возмутился увенчанный лаврами выпускник Сорбонны.

– *И я!* – поддержала его Женечка.

– *Да и я тоже,* – согласился Карел.

– *Вот эту теорему,* – оборвал их Лис, – *мои славные боевые хомячки, вам и предстоит доказать начальству. Я-то по доброте душевной вам поверю на слово. Но по их меркам в оперативники идут преимущественно те, кому не хватило средств на комнату в приличном дурдоме. А потому резво врубайте думалку, если не желаете узреть разочарование на их высокомудрых физиономиях. Кто-нибудь представляет, с какой стороны подойти к проблеме?*

– *Я пока тут с Фрейднуром разбираюсь. А он есть хочет. Давно. И сильно.*

– *Ясно, деловое предложение. Женя, у тебя какие-нибудь наметки?*

– Честно сказать, никаких, – созналась благородная дама. – Быть может, попробовать расспросить Гизеллу? В конце концов, она накоротке общалась с драконами. Быть может, в их, – она замялась, – мифологии есть какие-нибудь упоминания о подобных мечах и тех, кто мог бы их выковать.

– Сомневаюсь, но попробовать можно. Хотя лучше об этом спрашивать все же не Гизеллу, а Дагоберта. Маменька хлопочет вокруг него, старается лишний раз близко никого не подпускать. Но, возможно, в твоём случае она сделает исключение.

– Это еще почему?

– Потому что будет надеяться, что, узнав поближе ее несравненного сына, ты позабудешь о сэре Жанте и скоро согласишься породниться с ней.

– Но я только что недвусмысленно дала понять...

– Евгения Тимуровна, вы меня пугаете: как это вдруг «женищина» и «недвусмысленно» оказались в одной фразе?

– Это просто какой-то шовинизм! – возмутилась дипломированный психолог.

– Нет, это жизненный опыт. Если сейчас, утерев слезу, ты объявишь Гизелле, что готова пристальнее рассмотреть ее предложение, ежели нареченный не вернется через год и один день, она совершенно естественно воспримет твои слезы как необходимую прелюдию к согласию. А кроме того, может, Дагоберт вовсе и не позарится на тебя. В конечном итоге выбор за ним.

– Вот еще! – фыркнула девушка.

– Стоп, ответ ясен. В общем, Карел, ты там поторопись, дабы потом не пришлось раздуливать очередные марьяжные непонятки.

– Погодите, – вдруг вмешался Бастиан. – Карел, ты рассказывал, что в зиккурате видел фреску. Ты ее хорошо запомнил?

– Конечно, – удивился бывший сержант президентской гвардии. – Нас знаем как учили? Мы, раз взглянув на толпу, должны были сказать, сколько там мужчин, сколько женщин, какого возраста, нет ли подозрительных личностей или тех, что значатся в картотеке зарегистрированных преступников и террористов. А при втором взгляде определить, что изменилось, кто куда сместился.

– Да, да, восхитительно, но я о другом. Если не ошибаюсь, некий человек стоит на двух драконах?

– Да.

– А под драконами хаммари, раздающие мечи абарам?

– Верно.

– Хаммари крупнее абаров, но мельче драконов?

– Так и есть, – удивился Карел зе Страже. – Ты что, тоже видел эту картинку?

– Нет, лишь выстраиваю логические предположения.

– И шо это нам дает? – заинтересовался Лис.

– Примитивные культуры, – пустился в пояснения молодой ученый, – обладают лишь зачатками абстрактного мышления, и фантазии их крайне незатейливы. Мы знаем, что хаммари меньше драконов, именно это можно видеть на фреске.

– Но ведь рисовали не абары, – вставила Женя.

– Вероятно, так. Но рисунок явно сакральный, и потому абары не допустили бы искажений. Стало быть, можно предположить, – все также задумчиво продолжил Бастиан, – что некто, стоящий на драконах, имеет такое же соотношение с ними, как они, хаммари, с людьми.

– Разумно, – согласился Лис. – Карел, опиши-ка подробнее этого индивидуума, использующего драконов вместо лыж.

– Да что там описывать: длинная борода в завитушках, глаза навывкате, нос плоский, азиатского типа, одет во что-то вроде кольчуги...

– Кольчуги или чешуйчатой брони? – уточнил Ла Валетт.

– Чешуйчатой брони, – после недолгой задумчивости согласился сэръ Жант. – Ты откуда знаешь?

– Догадываюсь. А на голове у него нечто вроде шлема, похожего на рыбью голову?

– Снова в точку.

– Похоже, я знаю, кто это.

– Ну-ка, ну-ка.

– Эйа, по-другому Энки – древний бог Месопотамии. По мнению шумеров, он был отчасти человек, отчасти рыба, вернее, речное чудище.

– Совсем как папаша Меревеев, – констатировал Сергей. – Только здесь чудище было морское.

– Ну да, так и есть. Этот бог создал людей из глины, научил их ремеслам и какое-то время был господином земли, но потом и, между прочим, без особого желания уступил это место своему брату Энлилю. А сам перебрался в мир подземный. Или... – магистр Сорбонны на мгновение задумался, – может, не совсем подземный... Занятно... похоже, я догадываюсь, в чем дело.

Стражники у дверей мадам Гизеллы старались не видеть ничего, что прямо не касалось их службы. Люди здесь ходили знатные, могущественные, не дай бог заполучить такого себе в недруги. Потому сейчас они смотрели вдаль, усиленно стараясь не замечать жену великого казначея и ее элегантного собеседника.

– Мэтр Бастиан, мэтр Бастиан, вы о чем-то задумались? Вы обещали помочь мне. – Дама Брунгильда выжидательно глядела на менестреля, точно надеясь увидеть, как тот выхватит из рукава волшебную палочку, взмахнет, и мадам Гизелла, радостно выскочив из своих апартаментов, кинется ей на шею.

– Так и есть, сударыня, – куртуазно склонил голову Ла Валетт, искоса глядя на стражников у дверей государыни, прикидывая, насколько тихо стоит говорить. – Я готов поклясться, что мадам Гизелла и Ойген будут по-прежнему расположены к вам, если вы поведете себя должным образом.

Брунгильда поджала губы, подозрительно поглядела на вдохновенного певца.

– Не забывайте, я замужем.

– Не мне судить, насколько это хорошо, – все так же вкрадчиво промурлыкал галантный трубадур, – но может статься, что нам всем это только на руку.

– Вот даже как? – насторожилась знатная дама. Конечно, в ее обстоятельствах не приходится грезить о женском счастье, но унаследованная от предков хватка прирожденной хищницы неизменно давала о себе знать. Когда нужно было действовать, а не томно опускать глазки, она демонстрировала отменную сообразительность и скорость реакции.

Когда б не годы, проведенные в склепе, Брунгильда несомненно предназначалась бы в жены вельможе, брак с которым должен был бы укрепить положение геристальского дома. Однако этого не произошло. Бракосочетание стало для нее не только неожиданным и неприятным, но и просто оскорбительным. Одно дело какой-нибудь принцепс, дукс, на худой конец могущественный барон, тут хоть понятно, зачем жизнь свою губишь, хоть потомки займут высокое положение. Но ремесленник, пусть даже и сказочно богатый, – нет, от этого замужества вообще никакого толку. Теперь же, когда выяснилось, что хотя бы косвенно, но этот брак послужил охлаждению ее отношений с государыней, тлевшая в душе неприязнь к мужу вспыхнула ярким пламенем, будто уголья, раздутые ветром.

– Чего же вы хотите? – понижая голос до шепота, произнесла она.

– Лишь того, что пойдет на пользу всем нам.
– А если точнее?
– Насколько мне известно, вы никогда не любили мастера Элигия.
– Я даже не смотрела в его сторону, но что из того?
– Если вы не желали этого брака, значит, на то была воля брата?
– Да. – Брунгильда нахмурилась, вспоминая «сватовство» казначея.
– И сразу после этого Пипин загадочно исчез из подземелья. Вам это не кажется странным?

– Не сразу после, а чуть ранее того. Но когда этот ловчила ко мне пришел, в руках у него было послание от брата, скрепленное его печатью. Ты полагаешь, Элигий помог ему бежать?

– Без сомнения. Он вложил в это дело некоторое количество золота и получил хорошие проценты: ему достались вы, а заодно и все наследство геристальского дома. Но меня интересует другое: ваш брат тоже умеет считать на несколько шагов вперед, и если согласился на подобный обмен, то, видимо, знал, как себя обезопасить, иначе бы не стал заключать подобную сделку.

– Может быть, и так.

– Я уверен, что так. Но если Пипин жив и здоров, наверняка Элигий знает об этом. Очень непредусмотрительно было бы упускать из виду такую очевидную угрозу. Вряд ли могущественный Пипин Геристальский согласится просто так отдать свои богатства и забыть о них. Раскаяние – это не его сильная черта. – Благородная дама кивнула, подтверждая слова Бастиана. – Однако если сегодня оба эти человека живы и здравствуют, это может означать лишь одно – они в сговоре, и этот сговор против государя и, конечно же, мадам Гизеллы.

Брунгильда просияла.

– Если мы раскроем этот заговор, повелительница вернет мне былую милость.

– Ни минуты не сомневаюсь, – подтвердил ее догадку менестрель.

– Но, – лицо женщины помрачнело и губы недобро сжались, – Элигий отправляет меня в Форантайн, – тихо добавила она, мельком оглядываясь на покои государыни. – Он не желает видеть меня в Париже. Я хотела просить заступничества.

– Полагаю, если Пипин жив, он постарается держаться поближе к своему родовому гнезду. Там его почитают как законного господина, а значит, при случае он легко сможет вернуть себе замок, сделать его мощным укреплением. Более того, допускаю, что это лишь часть сговора.

Благородная дама Брунгильда задумалась, оценивая правдоподобие сказанного.

– Может быть, и так.

Менестрель благодарно кивнул.

– Надеюсь, сударыня, вы не будете против, если я скрашу тоску вашего изгнания и последую в Форантайн вместе с вами?

Глава 5

Большой хищник легко умещается в маленьком оптическом прицеле.

Полковник Хайрам Бердан

Монах склонился над раненым. С той поры, как юношу перенесли из леса под благословенные своды аббатства Святого Эржена, смиренная братия не находила себе места от волнения. Еще бы: жертвой разбойников оказался не абы кто, не заезжий барон или простой ратник, а сын Пипина Геристальского! Не беда, что незаконнорожденный – кровь сама говорит за себя, единый росчерк пера его святейшества – и все изменится в единый миг. Не беда, что сам майордом нынче в опале – завтрашний день может повернуть все по-иному. Редко ли такое случилось прежде? Как уж тут ни крути, ссориться с такими людьми не след. Да и тетка этого юноши – дама при дворе влиятельная, всяко за племянника заступится, если что. А тут и заступаться не нужно – герой! А герою следует оказать всяческий почет и внимание.

Потому, наскоро обработав лечебными мазями побои мастера Освальда, благочестивые клирики бережно перенесли защитника угнетенных в монастырскую лечебницу и занялись им с такой энергией, будто от его выздоровления зависело спасение их бессмертных душ. Слава Всевышнему, милосердной Деве и лично Святому Эржену, раны оказались неглубокими, кости целы, а синяки от побоев – велика ли беда?! На таком молодом крепком теле этакие следы жизненных неурядиц сходят так же быстро, как исчезает пугающая тьма с первыми лучами солнца. Немного бодряги, немного молитв – и дело сделано. Но главное – молитвы! Они ведь тоже в своем роде бодряга, только для души...

Наступил час, небеса явили милость, и отважный юноша пришел в себя. Едва открыл он глаза, как принялся за дело с неумемной энергией, свойственной всем представителям геристальского дома.

– Где я? – разглядев в убогом свете масляного шандала склонившегося над ложем монаха, еще слабо, но уже напористо спросил он.

– В аббатстве Святого Эржена, сын мой.

– Понятно. А где сам аббат?

– С позволения сказать, в Реймсе, – перебирая четки, ответил «медбрат».

– Во имя шпор святого Георгия, что он там делает?! В монастырских владениях лютуют какие-то прохвосты, а его преподобие спокойно прохлаждается в Реймсе!

– Но позвольте заметить, монсеньор, аббат в том месяце получил назначение коадьютором при архиепископе реймском и ныне вступает в должность. Быть может, он и не в Реймсе вовсе. Сами понимаете, епархия велика, а он должен объехать множество храмов и монастырей, дабы лично проинспектировать...

– Все, все, все! Я позволил и уже достаточно заметил. – Шарль резко поднялся с застеленного медвежьей шкурой топчана, поморщился от боли и продолжил: – Пока его преподобие объедет новое хозяйство, пока в каждом храме отслужит мессу, рак на горе не то что свистнет, а научится высвистывать «Аве Мария» на три голоса. Оставим пустые речи. К делу! Где мое оружие и одежда?

– Одежда сильно изодрана, залита кровью, но кольчуга, пояс и меч в целости. Даже странно.

– Забудь о странностях, на все воля Господня, – резко прервал монаха геристальский бастард. – Надо действовать как можно скорее. А не то лесные душегубцы наберут силу, их банда прирастет всякой сволочью, и наша тихая округа превратится в разбойничий вертеп.

– Мы уже думали писать об этом в Реймс, – смущенный напором больного, стал оправдываться святой отец. – Но кто доставит послание? У нас всего лишь три стражника, выделенных из гарнизона лесной крепости, а смиренные братья опасаются самолично отправляться так далеко. Увы, злодеи столь богохульны, что не видят разницы между особами светскими и духовными. Вот только вчера они изловили и ограбили брата Эрминия, который продавал образки в окрестных селениях. Его отдубасили, почти как вас, требовали сказать, где хранится монастырская казна. Даже в этих стенах, даже имея стражу, мы трепещем, ибо эти порождения антихриста со дня на день могут напасть и на само аббатство.

– Ерунда. Теперь я возьму защиту обители в свои руки. Вот увидите, аббатство будет в полной безопасности, – отмахнулся Шарль из Люджа, разминая широкие плечи, точно готовясь в бой. – Этим утром я отправлялся к вам привезти дары в благодарность за возвращение из похода на абаров, но вовремя не прибыл обратно. Готов поставить на кон свою голову, нынче же ночью, в крайнем случае, к заутрене, тут будет весь мой отряд. Я оставлю дюжину храбрецов охранять святую обитель от негодяев, сам же возьму послание, а лучше так и вовсе кого-нибудь из вас, и отправлюсь в Реймс, а оттуда в Париж. – Глаза юноши гневно сверкали, и кулаки сжимались в поисках вражьего горла. – Проклятье, кесарь должен направить сюда отряд, чтобы изловить мерзавцев и развесить их вдоль дороги!

Пока мой отец правил в этих землях, такого здесь не было и в заводе. Ну, да ничего, сволочам, которые думают, что в Нейстрии больше нет хозяина, придется горько разочароваться – теперь я заставлю этих злодеев почитать силу геристальского дома. Они все у меня станцуют, не касаясь земли ногами. Итак, пишите, к утру послание в Реймс должно быть готово. Вы поедете вместе со мной.

– Но... Но я...

– Это излишне. Все ваши причины – полная блажь. Как вас звать?

– Брат Ленард, с вашего позволения, – ошарашенно пролепетал монах.

– Вот и прекрасно. Сейчас же отправляйтесь спать. Как только прибудет мой отряд, едем в Реймс.

– Но вечерня, заутреня?..

– В монастыре хватает тех, кто это делает за вас. А вы, святой отец, спасете душу иным образом. Итак, еще раз: к утру должно быть послание, а вам надлежит быть отдохнувшим и готовым к дальней дороге. Я все сказал. – Шарль из Люджа небрежным жестом указал на дверь, точно позволяя слуге удалиться. – Ступайте.

К вечеру и впрямь в туманной дымке замаячил лес. Унылая степь, тянувшаяся от него до самых гор, казалась вымершей. Все, что могло спрятаться при одном только звуке шагов Фрейднура, спешило залезть в норы, все, что спрятаться не могло, уносилось прочь, не желая попадаться на глаза великану.

– Я хочу есть, – гудел он, будто в пустую винную бочку. – Я очень хочу есть. Я сейчас кого-нибудь съем.

Карел зе Страже не был новичком в ратном деле и потому быстро нашел верную тактику: куда бы ни поворачивался гигант, сэр Жант моментально оказывался у него за спиной.

– Где еда? – недовольно гундосил огромный детина, из-под руки созерцая бескрайние степные просторы. И вот, когда начало темнеть, наконец впереди показались деревья. – Там должна быть еда, – радостно сообщил Фрейднур и бегом устремился в чащу. Деревья, уже десятки лет стоявшие на одном и том же месте, не разделяли его прыти и даже, на беду себе, не подумали расступиться. Удар по стволу лапищей в одну сторону, еще один удар в другую – сосны толщиной в обхват переломились с хрустом, будто пережаренные чипсы. Карел изрядно отстал, но сбиться с пути было невозможно, за спиной Фрейднура оставалась широкая просека, вернее, пролом.

– Ага, олень! – раздался впереди радостный клич великана. – Не убегай, олень, я буду тебя есть!

Вовсе не обрадованный такой перспективой, лесной рогоносец припустил со всех ног, но даже со своими четырьмя он не мог сравниться в скорости с бароном-переростком. В конце концов, сэра Жант видел это собственными глазами, несчастный зверь взметнулся над лесом, с ужасом ревя и перемалывая копытами воздух, затем рухнул наземь, и впереди послышалось радостное чавканье. Нурсийского принца невольно пробрала дрожь. Не то чтобы его побратим был отягощен избытком светского воспитания, но прежде оленей живьем он в пищу все же не употреблял. Карел осторожно приблизился, стараясь держаться с наветренной стороны. Но уловка не удалась: гигант немедленно почуял претендента на честно пойманную добычу, с размаху грохнул себя кулаком в грудь, зарычал и начал оглядываться в поисках обидчика, чтобы обогатить свой обед второй переменной блюд. Но такого вблизи не оказалось. Различив побратима среди выкорчеванных деревьев, великан расплылся в радостной улыбке, будто прежде и не подозревал о его присутствии поблизости. Затем всполошенно хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ой, а еда-то кончилась. Сейчас я тебе еще что-нибудь поймаю.

Он огляделся, стараясь в надвигающихся сумерках разглядеть еще какую-нибудь живность.

– Не надо, я сам как-нибудь, – попытался было возразить Карел, но тщетно. Фрейднур уже наметил очередную жертву и, снова ломая деревья, устремился за ней в погоню.

– А ну, стой! – пугая живность, ревел он. – Мы тебя будем есть.

Богемец схватился за голову. Ему доводилось слышать про заколдованного принца, которого должна была поцеловать красавица, чтобы вернуть прежний облик или хотя бы превратить во что-нибудь стоящее. Но это был явно не его случай.

– Не надо, Фрейднур! – закричал сэра Жант вслед быстро удаляющемуся гиганту. – погоди! – Это слово едва слетело с его губ, когда вдруг он почувствовал спиной тяжелый давящий взгляд. Стараясь двигаться как можно спокойней, Карел повернулся и увидел перед собой крупного, пожалуй, слишком крупного волка. Тот глядел не отрываясь, будто гипнотизировал чужестранца. За ним из-за поломанного ствола появился еще один зверь, потом еще два с другой стороны...

– Опять волки! – Сэра Жант отступил на шаг, вспоминая не слишком давнее знакомство с Дагобертом и его мамашей. – А ну-ка проваливайте подобру-поздорову! – Мечи, оба – и свой, и Фрейднура – с тихим шелестом покинули ножны. – Ну-ка, кто первый? – Звери выжидательно глядели на принца Нурсии, вовсе не горя желанием близко знакомиться с булатной сталью, но и не пускаясь наутек. – Сейчас я кому-то хвосты-то поотрубаяю, – пригрозил Карел, запуская пропеллеры клинков. – А ну, кыш отсюда!

Ему показалось, что вожак стаи как-то неестественно оскалился, будто улыбаясь. Затем мощный волк крутанулся, точно проверяя, на месте ли хвост, перевернулся через голову, и через мгновение перед сэром Жантом стоял Баляр в широком одеянии из волчьего меха. Вслед за ним подобный маневр совершили прочие звери, и вскоре на усеянной обломками деревьев прогалине расположились полторы дюжины неводов.

– Ты что ж дудку-то не смастерил? – радуясь встрече, попенял сын властителя лесного народа. – Я же тебе говорил.

– Не успел, – все еще не имея сил осмыслить стремительный бег событий, пробормотал Карел зе Страже. – А вы что это тут делаете?

– Охотимся, – в свою очередь удивился Баляр. – Мы всегда так охотимся. Мы же негры!

– А-а, – в обалдении протянул нурсийский принц. – Ну, раз вы – они, тогда да, тогда конечно. Но мы же друзья? – на всякий случай уточнил он.

– Конечно, что за вопрос?! Я всегда буду помнить, чем тебе обязан. И они все тоже. – Баляр обвел рукой нахмуренных охотников. – Вот только скажи, что это нынче происходит в чаще?

– Это Фрейднур так преобразился. Он только и делает теперь, что пищу ловит. Этакую утробу попробуй накорми!

Невры что-то загомонили, недовольные переполохом в своих охотничьих угодьях.

– Стало быть, все еще хуже, чем я думал, – печально вздохнул волчий берендей. – Но тут уж есть как есть. Мой народ просит тебя, и я прошу тебя, как друг, уведи его отсюда. Твой поворот распугает зверье и переломает деревья, нам здесь нечем будет поживиться.

– Как я его уведу, да и куда? До франкских земель мы на драконе не один день летели, а пешком-то и вовсе железные сапоги до дыр стопчешь, и то не дойдешь. А дорогой ему что-то есть нужно. Он сейчас оленя в один присест умолотил, как так и надо, и, похоже, не наелся вовсе.

– Да, непростое дело.

– Конечно, непростое. У него в голове, кажется, все перемешалось: то он злобный хам-мари, то славный франкский барон. А что будет в следующий миг, так и вовсе не угадаешь.

– Я тебе ничем помочь не могу. – Баляр покачал головой, погружаясь в раздумья. – Тут волхвы нужны, шаманы... Хотя можно попробовать, если приятель твой послушает мою речь и пойдет, куда скажу.

– Меня он, кажется, слушает. Я попытаюсь увести.

– Вот и хорошо. – Баляр потер руки. – Но помни, если ты решишь вернуться с ним в эти места, то больше я не встречу тебя как друга.

– Так что, дудку можно больше не делать? – разочарованно поглядел на лесного человека нурсийский принц, указывая на свой дорожный посох.

– Давай сюда, – резко оборвал Баляр. – Сейчас мы исчезнем, твой дружок, кажется, уже кого-то поймал, возвращается. Дальше идите по волчьему следу, он приведет вас на широкую поляну, окруженную семью раскидистыми дубами. Ложитесь там спать и ничего не опасайтесь. Постарайся все же, чтобы этот громила больше не портил нам охоту.

Он вновь крутанулся на месте, перекинулся через голову и обернулся волком. Еще мгновение, и стая исчезла в чаще.

– Что там они придумали? – недовольно пробурчал Карел. – Ладно, ночевать все равно где-то надо.

«Безделье губит армию не меньше, чем сражение», – любил приговаривать Камдил, не раз в годы совместных операций возглавлявший различные войска. Теперь эта участь выпала его напарнику, всю жизнь избегавшему подобной чести. Но, ничего не поделаешь, из всех сил стараясь представить себя грозным Вальдаром, Сергей прохаживался вдоль строя баронских отрядов, которым выпала высокая честь охранять мир и покой во франкских землях.

Властители замков и обширных угодий, приведшие в Париж сотни оружных людей, поглядывали на него с плохо скрытым недоумением. Всякий знал, что этого кривоногого сухощавого верзилу в балладах именуют едва ли не отцом победы над абарами. А ведь никто из баронов, сражавшихся подле Дагоберта в тот день, не видел его на поле боя. Многие готовы были поклясться, что он появился в шатре кесаря лишь после кровавой сечи, и потому свалившиеся на чужеземца почести воспринимались ими как личное оскорбление. Собравшись у костров военного лагеря, командиры отрядов тихо ворчали, что, видимо, Гизелла решила стать «веселой вдовушкой», и кривоносый просто-напросто ее избранник. Эти толки не прибавляли командиру баронской гвардии почтения и не гарантировали преданности.

Теперь же, когда речь зашла о назначении дукса – главнокомандующего франкским войском, на Лиса и вовсе начали поглядывать искоса, подозревая, что красавица Гизелла поже-

лает видеть на этом посту верного лично ей чужестранца. Конечно, среди тихих речей, раздававшихся у костров, звучали и другие: что Рейнар и его соратники спасли юного Дагоберта и посадили его на трон, что именно этот чужак смог раскусить заговор коварного майордома и помешать ему. В ответ слышались заверения, что никакого заговора не было и в помине, что все это поклепы на первейшего вельможу Нейстрии и измышления врагов, чтобы добиться власти, опутать юного кесаря сетями, а может, даже и женить на красавице Ойген, которая тоже весьма необычная девица.

И вот теперь длинный кривоносый нурсиец прогуливался мимо баронских отрядов, напустив на себя вид столь грозный и суровый, как будто и впрямь имел право раздавать здесь команды. Между тем Сергей остановился, понимая, что дальше этак гулять не имеет смысла, и повернулся к замершим в ожидании шеренгам.

– Товарищи солдаты! – совсем как в давние годы после окончания училища, рявкнул он. Затем, увидев изумленные лица, добавил: – Ну и всякие там господа бароны! Сегодня будем заниматься строевой подготовкой. Я видел ваши передвижения на поле боя – это разрыв сердца на портянки. Смех и слезы! Причем смех врагов и слезы матерей. Вместе вы сила, а в другом месте вам лучше не оказываться. – Он поднял кулак. – Вот как эта штукавина. А если отогнете палец, так его можно сломать одним движением. – Бойцы невольно попятнулись, видимо, полагая, что диковинный чужестранец сейчас же начнет ломать им пальцы. – Стоять! Команды «вольно» не было. Сегодня отрабатываем прохождение сомкнутым строем и повороты в движении. Отряд обязан действовать как единый механизм, – сурово объявил Лис и тут же понял, что его слушатели вряд ли когда-либо видели механизмы. – Словом, копейщики – вперед, сомкнуть щиты.

Бойцы, привыкшие действовать организованной толпой, в рассыпном строю, с ревом наскакывая на противника и рубя его от души, несколько оторопели, но все же поспешили выполнить приказ.

– Первая шеренга, копьа вперед, вторая – на уровне плеч, бейте противника сверху. Вперед-назад, вперед-назад, третья линия поддерживает вторую. Лучники прикрывают фланги. Всякие там рубаки с топорами и саксы с скрамасаксами – позади первых трех шеренг. Когда в строю противника появляется брешь – вклинивайтесь туда и рубитесь с хеканьем. Все ясно?

Судя по лицам слушателей, они разобрали почти все слова, но не смогли уловить в них смысла. При первой же попытке выполнить указанное построение отряды сбились в кучу, превращая довольно грозное войско вполне внушительного вида в невнятную толпу вооруженного сброда.

– Это шо, армия? Это стадо баранов! – гневно закричал Лис и тут же пожалел о сказанном. Дотоле стоявшие перед ним франки не владели техникой боя римских легионов или швейцарских батальонов, но каждый был отменным рубакой и вольным человеком. Услышав столь нелестное высказывание в свой адрес, каждый в этой толпе немедля повернулся и с недвусмысленно угрожающим видом начал двигаться в сторону обидчика, желая уточнить, кого это он назвал бараном? Слова команд заглушались общим ропотом. В голове Сергея ополоумевшей стаей белок носились идеи, как остановить спонтанный бунт. Горько ныло под ложечкой: «Да, у Камдила такого бы не произошло».

– Всем стоять, остальным строиться! – кричал он, но безрезультатно. Вдруг общий гомон стих, будто отрезало. Лис оглянулся: позади, стоя в стременах скакуна, высился Дагоберт. Он в полном безмолвии глядел на происходящее так, будто приехал лично посмотреть, что это за шум. И шум пропал, исчез сам собой. Воины в почтительном молчании преклонили колена перед государем.

– Встаньте, – все так же спокойно и буднично скомандовал кесарь. – Встаньте и учитесь воевать. Делайте, как он говорит. А вас после воинских занятий прошу ко мне.

Лис поклонился, стараясь скрыть невольную досаду.

– Всенепременнейше, мой государь.

Глава 6

Голод не тетка, наследства не оставит!
Молодой повеса

Карел почесал затылок. Там, где только что крутилась волчья стая, теперь не осталось даже следов. «Вот это да!» – пробормотал он, на всякий случай ущипнул себя, чтобы проверить, не заснул ли ненароком в тени великого дерева и не снится ли ему эта странная дребедень. Щипок получился вполне реалистичный, но еще более неопровержимым доказательством бодрствования послужила презрительная туша матерого секача со свернутой шеей, рухнувшая к его ногам буквально с небес.

– Держи, – почти ласково пророкотал Фрейднур, – я тебе свинку поймал.

Нурсийский принц обалдело поглядел на «свинку». Десяток крепких парней вряд ли съели бы ее в один присест. Но, впрочем, судя по лицу великана, он и сам бы не отказался слегка перекусить.

– Погоди, сейчас поджарю, – оглядываясь, чтобы найти место для кострища, сказал нурсиец.

– А я хворосту наберу, – закивал Фрейднур и, радуясь, что нашел себе дивное применение, живо начал выкорчевывать сосны и складывать их в кучу.

– Постой, больше не надо! – взмолился Карел, вспоминая не слишком дружелюбный разговор с вожаком стаи. – Ты и так довольно дров наломал.

– Я молодец, – Фрейднур расплылся в широкой добродушной улыбке, затем уселся на землю, объявил: – Ты жарь, я буду спать. – И через мгновение оглушительно захрапел.

Сэр Жант вздохнул с невольным облегчением и принялся свежевать тушу, но вдруг почувствовал, как устал, как мутится в голове и мысли путаются все сильнее и сильнее. На мгновение нурсиец прислонился лбом к кабаньему боку и увидел... Из-за дерева выступил древний старец с длинной, не седой, а какой-то пепельно-серой бородой, в одеяниях из волчьих шкур и головой матерого волка вместо чародейского колпака. Неизвестный опирался на длинный сучковатый посох. Впрочем, если хоть немного присмотреться, то это были вовсе и не сучья, а торчащие во все стороны волчьих клыки. Венчал эту диковинную «трость» пустоглазый череп свирепого зверя. То ли вырезанный из дерева, то ли вполне настоящий.

«Снится, – подумал Карел, – или нет?» Между тем старец обвел посохом широкий круг, словно огораживая место отдыха спящего гиганта и его спутника, уселся по ту сторону «ограды», начал что-то распевно бормотать себе под нос. «Наверное, все же снится, – решил сэр Жант. – Тогда почему глаза открыты? – И почувствовал, как сами собой опускаются потяжелевшие веки. Теперь даже храп Фрейднура, заставлявший лесное зверье обходить место их стоянки тридесатой дорогой, не мешал ему, тело настоятельно требовало отдыха.

Но сон получался какой-то странный, чтоб не сказать диковинный. Карел даже удивился, что такое может быть. Уже знакомый пейзаж с обломанными и выкорчеванными деревьями вовсе никуда не девался. Разве что старик с посохом будто растворился в сумерках. Но лес вдруг отчего-то начал медленно вращаться, будто кто-то вывинчивал обрисованную незнакомцем площадку, вывинчивал быстрее и быстрее.

У Карела, впрочем, как и любого, прошедшего жесточайший отбор в президентскую гвардию, никогда не было проблем с вестибулярным аппаратом, но все же и он почувствовал, что его изрядно укачивает. Наконец лес остановился. Но легче сэру Жанту от этого не стало.

В отдалении из-за ствола выглянула одна уродская морда, потом еще две, на этот раз торчавшие из одного туловища, затем с ветки свесилось нечто вроде змеи, усыпанной шипами, с десятком разъявленных пастей, цокавших мелкими зубками по бокам тела.

«О Господи!» – подумал Карел и на всякий случай перекрестился. Ночные мороки, похоже, не заметили этого жеста, во всяком случае, никак на него не отреагировали. Более того, земля совсем рядом с нурсийским принцем вздыбилась, разлетелась комьями во все стороны, из ямы показались две лапищи с когтями, напоминавшими хороший крестьянский серп. Когти легко вонзились в кабанью тушу, пробив крепчайший грязевой панцирь, как папиросную бумагу, и единым махом уволокли секача под землю. Лишившись «подушки», Карел ткнулся лбом оземь и тут же пришел в себя. Из ямы, очень натуралистично красовавшейся в полуметре от него, слышалось довольное чавканье и хруст перемалываемых костей. Твари, одна другой ужасней, продолжали глазеть со всех сторон, не предпринимая, впрочем, никаких активных действий против незваных гостей, но, судя по всему, не собирались исчезать.

«Хаммари!» – осознал сэр Жант и бросился к рокочущему на всю округу боевому товарищу:

– Вставай, дружище, просыпайся, нас окружают!

Что-то небольшое упало возле его ног. Карел наклонился и поднял из травы короткую дудку с семью дырочками. «Надо звать подмогу», – догадался он, набрал в легкие воздуха и попытался издать звук, напоминающий рев боевого рога. Не то чтобы ему это совсем не удалось, но активнее всего на звук отреагировали хаммари – с ревом, писком, визгом, гортанными выкриками и воем, не предвещавшим ничего хорошего, они ринулись на злостного нарушителя ночной тишины. Сэр Жант выхватил меч, но хвост многоглавой шипастой змеи бичом свистнул в воздухе, обвился вокруг запястья и выдернул оружие с той легкостью, с какой верзила-хулиган отбирает леденец на палочке у карапуза-дошкольника. Вслед за этим на сержанта президентской гвардии навалились тяжеленные, будто каменные глыбы, чудища, едва не раскатывая его в плоский блин.

В этот миг краем глаза Карел заметил, как меж чудовищ появился волк-оборотень, на мгновение обернулся человеком, крикнул что-то невнятное и снова исчез.

«Хороша подмога!» – что есть сил пытаюсь отстранить от своего лица чьи-то клацающие челюсти, с болью подумал нурсиец. Он готов был дорого продать свою жизнь, вот только среди атаковавшей его толпы не с кем было торговаться. Каждый хотел получить «товар» на дармовщину. И лишь то, что, соревнуясь за главный приз, нападавшие активно мешали друг другу, еще позволило богемскому льву оставаться в живых.

– А ну, что тут происходит?! – громом разнеслось над лесом. Писк, вой и визг стихли и, заполняя место бессудной расправы, со всех сторон донеслось:

– Вождь! Обещанный вождь, наш вождь!

Хватка последнего из претендентов на «отбивную по-богемски» слегка ослабла, и Карел увидел, как тот размахивает тремя левыми руками, вернее, двумя лапами и одной клешней. Пронзительный писк, который при этом издавал хаммари, не поддавался разумному осмыслению, но хладнокровная система «Мастерлинг» переводила со всей методичностью:

– Обещанный вождь, он, наконец, пришел! Теперь мы победим! Да здравствует наш славный вождь!

– Не слышу ответа! – ревел Фрейднур, высматривая, что из всего этого, движущегося вокруг, можно съесть. Толпа расступилась, и на образовавшуюся поляну выбрело нечто на четырех ногах, однако без головы. Если быть точным, головы были, они венчали две мускулистые руки, торчавшие из безголового торса.

– Приветствуем тебя, о наш вождь и избавитель! – заговорил правый «кулак».

– Нет, это я приветствую тебя, наш вождь и избавитель! – перебил левый. – Ты поведешь нас в бой, и мы сокрушим всех! Мы вернем свою родину!

– Слава хаммари! – залилась в истеричном вое ликующая толпа. И тут же взревела себе в ответ: – Хаммари слава!

– Мы приготовили для тебя кровавую жертву, наш вождь! – гордо объявил правый кулак, облизывая тройным языком шипастую макушку.

– Хорошую жертву, свежую! – прокомментировал левый кулак, словно в подтверждение слов, качая по-бараньи изогнутыми рогами. – Вот она.

Карел почувствовал, как непреодолимая сила влечет его к Фрейднуру. Он видел подернутые серой поволокой глаза великана, его протянутую руку. Сержант дернулся, пытаясь вырваться из кулака, с удивлением осознал, что виденный им с места ночевки лес заканчивается совсем рядом, до его границы не более полусотни метров. А дальше... дальше расстилается безжизненная, выжженная, точно сковорода, пустыня.

– Эй, эй! – завопил нурсийский принц. – Фрейднур, очнись!

Великан тряхнул головой, будто отгоняя налипшие на глаза ошметки недавнего сна. Взгляд его стал осмысленным, хотя и несколько удивленным. Он расплылся в добродушной улыбке, словно после долгой разлуки увидел старого друга.

– Карел! – взревел он радостно, и тут же лесная прогалина вновь закрутилась, точно ее прикрепили к вентилятору. Когда же она, наконец, остановилась, хаммари не было и в помине, их будто сдуло, унесло центробежной силой. Зато неподалеку стоял Баляр, а чуть поодаль – знакомый уже старец с зубастым посохом.

– Что это было?! – набросился на него нурсиец.

– Не знаю. И он не знает. – Вожак стаи невров мотнул головой в сторону волхва, или уж кем там был сконфуженный бородач. – Такого раньше не происходило.

– Погубить нас хотел?! – Фрейднур занес над оборотнем свою каменную лапищу.

– Остановись! – крикнул нурсиец. – Если бы хотел, давно бы погубил. А что стряслось-то? Как нас закинуло через предел? Ваш этот, – сэр Жант кивнул в сторону озадаченного шамана, – он как, знает?

– Нет. Говорит, вмешалась какая-то могущественная сила.

– Час от часу не легче! Кому это мы, спрашивается, дорогу перешли? И когда успели?! Может, все-таки как-то удастся по скорому добраться до франкских земель, или придется все же пешком топтать? Ты же, вроде, говорил, нам с Фрейдом куда-то идти надо. Так мы готовы!

– Да, придется. Надеялись просто вас перенести туда, откуда в абарские степи пришли. Но до твоей земли, мой добрый спаситель, и малой тропки нет, а вот то, что в голове твоего друга творится... Вроде и не родина ему земли хаммари, а вот как вышло. Но все же он, – Баляр кивнул в сторону длиннородого старца, – говорит, что есть надежда. Он призвал духов предков, и они проведут гостей по тропам, ведомым им одним.

Это опасные тропы. Они проложены на грани Великого предела и ведут в Долину Изобилия. Мало кто из живых отваживается пройти этим путем. Те же, что проходят до конца, обретают желаемое, чего бы ни пожелали. Если, конечно, вы не испугаетесь и не решите повернуть назад, то сможете уже сегодня обнять родных. Но лучше не пугаться, ибо возврата нет. Покинувший тропу обречен вечно скитаться в безвременье Предела. Ну что, решаетесь?

Шаман пытливо глянул на великана и его спутника. Прямо сказать, невнятные слова о «духах предков и тропах на грани Великого предела» не внушали Карелу энтузиазма, он даже подумал вызвать Лиса, чтобы запросить у него инструкции, но живо представил, в каких именно выражениях «проинструктирует» его разбуженный в такой час Сергей, вздохнул и, оглянувшись на Фрейднура, проговорил:

– Да чего уж там, рискнем.

Элигий расхаживал по комнате своего особняка, оглядывая «дорогого родственника». Тот стоял перед ним, чему-то улыбаясь, статный, широкоплечий, на вид куда старше неполных шестнадцати лет. Эта вечная ухмылка особенно бесила казначея. По его внутреннему убеждению, племянник должен был явиться с понуро опущенной головой и начать оправдываться,

изобретая веские обстоятельства, заставившие его покинуть столицу. Не просто покинуть, а покинуть без спроса, без уведомления, точно и не был теперь хранитель казны главой прославленного геристальского дома. По мнению Шарля из Люджа, именно что не был – по-прежнему оставался ремесленником, лавочником, хитростью прыгнувшим куда выше головы.

– Я велел тебе не оставлять столицы! – замирая перед невесть чему радующимся бастардом, прошипел бывший златокузнец.

Шарль презрительно дернул плечом, всем своим видом демонстрируя, что с тем же успехом муж его тетки мог приказывать солнцу не всходить, а луне – приплясывать среди небес.

– Я ездил в аббатство Святого Эржена, – как ни в чем не бывало объявил юнец. – Ибо обещал щедрые дары покровителю нашего рода еще там, стоя лицом к лицу с абарами.

Элигий насторожился. Кому как не ему было знать, что именно близ аббатства скрывается затаившийся до времени Пипин. Но знал ли об этом Шарль? По всему, не должен был. Было предпринято все возможное, чтобы этот вертопрах не дознался.

И вот надо же, какая глупость! Ему самому никогда не приходила в голову идея просто так жертвовать Господу что-либо. Он готов был платить, дорого платить за исполнение задуманного. И платил не раз, так что даже прослыл щедрым человеком. Но отдавать тому, у кого все есть, да к тому же не слишком надеясь на результат – что за нелепое транжирство?!

Но все это пустое! Необходимо как можно скорее найти для Пипина иное убежище. Когда Мустафа вернется из Форантайна, следует послать его на ферму подготовить хозяйский дом для гостя. Там, в тишине лесов, среди ячменных полей никто не потревожит беглеца, а уж десятки его рабов-силачей не допустят к почетному узнику чужаков, как бы те ни звались. Эти выкупленные мавры и абары ни бельмеса не понимают на языке франков, будь ты сам кесарь, для них существует один закон – воля господина.

– Ну и как подношения? – наконец прервал он молчание. – Порадовал ли братию? Это они, что ли, тебя так отходили? – Элигий указал на затянувшуюся широкую царапину поперек щеки.

– Схватился с лесными разбойниками, – с глубоким равнодушием сообщил молодой воин. – И, надо сказать, Святой Эржен снова пришел на выручку.

– Что ж, хорошо, очень хорошо. О чем говорят в тех местах?

– Да все больше судачат о разбойниках, о том, что житья от них не стало и пора известить душегубов, всех до единого. Я отвез прошение смиренной братии в Реймс, архиепископ принял меня, обещал помощь и направил письмо государю с просьбой к Дагоберту послать сильный отряд, чтобы разобраться с лихоимцами.

Шарль расстегнул пару резных костяных пуговиц, вытряхнул из-за пазухи свиток.

– Отряд, – пробурчал мастер Элигий. – Можно подумать, у Дагоберта во дворе стоит десяток таких отрядов и только ждет, куда отправиться. Пусть местный правитель разбирается с разбойниками.

– Правителем был мой отец, а он невесть где, – с печальным вздохом, но гордо напомнил Шарль из Люджа, пряча свиток.

– Хорошо, – казначей придал лицу выражение, как ему представлялось, высокой государственной мудрости, и протянул руку. – Давай послание, я передам.

– Я сам отдам его. – Бастард продолжал улыбаться как ни в чем не бывало. – Это мое дело.

Элигий пожалел, что рядом нет верного Мустафы. С каким бы удовольствием он приказал оглушить дерзкого юнца и ночью, когда город уснет, выкинуть в Сену. Когда б он не был так нужен, чтобы держать Пипина на привязи... Впрочем, теперь, похоже, на привязи нужно держать самого мальчишку.

– Ладно, – наконец выдал он. – Сейчас я пойду во дворец, отправишься со мной. Мы попытаемся что-то предпринять для спасения аббатства и округа от лесных злодеев. И будь почтителен с государем.

Шарль смерил его насмешливым взглядом – уж точно не вчерашнему ремесленнику учить сына первейшего вельможи франкских земель хорошим манерам. Элигию хотелось резко ответить на эту молчаливую насмешку, но он сдержался. «Зачем множить распри? – подумалось ему. – Юнец горяч, и это хорошо. Такой не потерпит над собой ничьей власти, кроме, пожалуй, кесаря. А уж если заставить его подчиняться чужестранцу, то и вовсе может затеяться небольшой заговор. – Ему вспомнились вчерашние слухи, что якобы днем на Марсовом поле баронские войска едва не подняли мятеж против Рейнара. – Если дать смутьянам такого главаря, – он искоса поглядел на юного геристальца, – то в какой-нибудь лесной чаще нурсийского выскочку могут найти не совсем живым.

Гизелла взгрустнет немного, однако скоро утешится, а труп оплачут, похоронят, да и спишут на разбойников. А если докопаются до истины, то вся вина на Шарле. Стало быть, ему и ответ держать. Казначей же обязан печься лишь о государственной пользе, а не о всяких пустяках вроде сведения счетов между неразумными родичами».

– Запомни, – делая вид, что пропустил насмешку, с величественной назидательностью проговорил хранитель казны, – впредь ты не должен ослушничать. Я желаю тебе лишь добра, желаю видеть дуксом франкской армии. А далее – кто знает, и майордомом. Не препятствуй мне в этом замысле. Ибо молодость твоя и горячность способны истребить на корню плоды моих трудов.

Шарль из Люджа чуть склонил голову, будто подтверждая, что не прочь стать дуксом и майордомом.

– После доклада у государя отобедаешь, получишь мои распоряжения и отправишься в Форантайн.

– Но если государь повелит мне иное?

– Не заблуждайся, у Дагоберта есть верные слуги и помимо тебя. Вчера в замок отправилась твоя дорогая тетушка, моя нежно любимая супруга. Ее охраняет Мустафа и еще несколько моих людей, однако они нужны мне здесь. Ты же со своим отрядом укрепишь гарнизон Форантайна и будешь дожидаться там войск, посланных Дагобертом. А я уж позабочусь, чтобы ожидание не затянулось.

Тронный зал дворца кесаря франков был почти безлюден. Под его гулкими сводами, втягиваясь сквозь круглые слуховые отверстия, будто ища выхода и не находя его, подвывал ветер. Ему не было дела до юного государя и его сухощавого кривоносого гостя.

– Эти люди не станут воевать так, как ты их учишь, – с обычной прохладцей объяснял Дагоберт. – Они не держат строй, поскольку в строю не покроешь себя воинской славой. Победа достается всем, но каждый барон, несомненно, желая общего триумфа, в душе тревожится лишь о собственном прославлении и выгоде. Все его ратники в схватке помогают ему в этом и получают за это часть трофеев. А ты хочешь заставить их забыть все, к чему они привыкли.

Лис поглядел на Дагоберта, предчувствуя увольнение с занимаемой должности и стараясь скрыть невольную радость. Ему и прежде-то вовсе не улыбалось командовать бандами кичливых баронов, а уж сейчас, когда дело требовало свободного перемещения, так и вовсе.

– Не, ну это уж как в ваших краях водится, пусть хоть вприсядку хороводы перед вражинами злыми водят. При случае это ж не мне люлей навешают, а вам по всему фронту навалиют.

Ваша доблестная мамаша поставила меня командовать гвардией, я о том не просил. Уж явите милость, государь, воюю, как умею, пока что жалоб не поступало. Вам тут виднее. У нас в Нурсии воюют так, у вас сяк. Стало быть, мне с этим сяком делать нечего.

Шо я вам скажу: трон у вас есть, победу мы одержали, теперь можно и в отставку, и на просторы родной Нурсии. Эх, как там они без меня?

– О вашей Нурсии во всем свете никто слыхом не слыхивал, – без малейших эмоций ответил Дагоберт. – И об этом знаю уже не только я. Кардинал Бассотури вчера настоятельно

интересовался происхождением вашим и ваших друзей. Он вскользь намекнул, что причисление моего отца к лику святых несколько задерживается в связи с тем, что непонятно, люди вы или демоны в человеческом облике, пришедшие из адской бездны. Сами понимаете, к чему может привести столь настойчивый интерес. Конечно, я назвал его слова бессмыслицей, однако не думаю, что он мне поверил.

– Вот как оно все выходит. – Лис наморщил лоб, изображая глубокую озабоченность на хитром лице. – Мало того, что родины у меня не осталось, так еще и церковники нашими шкурками заинтересовались. Спасай после этого Европу от нашествия!

– Пока вы состоите на моей службе, никто не посмеет вас тронуть, – вскользь обронил Дагоберт. – В свое время вы защитили меня, сейчас я возвращаю этот долг. Но рекомендую хорошо подумать и не торопиться к неведомому дому. Что же касается вашей просьбы освободить вас от командования, я согласен. Я непременно подумаю о новом назначении для вас.

– Вот спасибо, премного благодарен, – начал Сергей.

В этот миг в дверь деликатно постучали, и почтительный дворецкий, склонив перед государем седую голову, объявил:

– К вам с докладом мастер Элигий и его племянник, Шарль из Люджа!

Глава 7

Всегда выбирайте самый трудный путь – на нем вы не встретите конкурентов.

Шарль де Голль

Дорога из Парижа в Форантайн казалась Брунгильде верхом уныния и тоски. Ей вспоминалась недавняя встреча с Гизеллой. Как и обещал вездесущий менестрель, государыня не держала зла на свою пусть и своенравную, но верную служанку, и, хотя была несколько суховата в общении, все же изъявила жене казначея свою благосклонность, пожелав доброго здоровья и семейных радостей. Правда, услышав о намерении Элигия отправить ее в родовой замок, Гизелла не усмотрела в том ничего предосудительного, сказала, что удел жены повиноваться мужу, что в это время года в Форантайне должно быть восхитительно и значительно тише, нежели в столице. Вместе с тем она заверила, что непременно призовет ее к себе, лишь только сочтет нужным. Последнее утверждение звучало довольно расплывчато, однако вселяло надежду. Теперь, как и говорил Бастиан, следовало доказать ей и кесарю свою преданность и, главное, полезность.

В мыслях о том, как бы это получше сделать, Брунгильда ехала шагом на резвой арденской лошадке, недовольной неспешным аллюром. Буланая кобылка мотала головой, словно желая показать, что ей, наследнице крови славных коней, еще божественным Цезарем признанных лучшими для тяжелой кавалерии, зазорно плестись, подобно понурой водовозной кляче. Но выбора не было, хозяйка вовсе не желала резво носиться меж полей и роц, обжигая себе щеки ветром и глотая встречных мошек вместо завтрака.

За всадниками, составлявшими конвой, или, если смотреть со стороны, эскорт супруги верховного казначея, неспешно катили возы со слугами, одеяниями, бочонками вин – словом, тем, что могло пригодиться высокородной даме в дальнем странствии. Округа наполнилась многообразием звуков: скрипом колес, дребезжанием упряжи, ржанием недовольных ярмом лошадей, окриками возниц и ленивой перебранкой служанок, изнывающих от дорожного безделья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.